

Аркадий Хасин

*Заминированное
море*

Одесса

Епімум

2022

УДК 821.161.1
X 24

Хасін А. Й.

X 24 Заміноване море. Збірка оповідань. – Одеса:
Вид-во «Optimum», 2022. – 128 с.

ISBN 978-966-344-???-?

Автор книги «Заміноване море» – Аркадій Хасін – підлітком пережив усі страхиття Другої світової війни, будучи малолітнім в'язнем одеського гетто в роки окупації нашого міста румуно-фашистськими військами. А також в'язнем нацистського концтабору. Доживши до сьогодні, він знову переживає війну, яку розпочала Росія проти незалежної України. У цій книзі Аркадій Йосипович розповідає про свої враження, що перегукуються з роками Другої світової війни.

©Изд-во «Optimum», 2022
©Хасін Аркадій Йосипович, 2022

ISBN 978-966-344-???-?

*Посвящается моим детям – сыну,
капитану дальнего плавания, Игорю
Хасину и дочери Светлане.*

*От всей души благодарю моих друзей
Олега Ткаченко, Елену Антропову и
Галину Сизон за помощь в создании этой
книги.*

НЕСКОЛЬКО ВСТУПИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Это небольшая книжка о двух больших войнах.

22 июня 1941 года, с нападением фашистской Германии на Советский Союз, началась страшная война, которая унесла 27 миллионов человеческих жизней. Впервые в истории человечество столкнулось не просто с войной на полях сражений, а познакомилось с лагерями смерти, где в газовых камерах уничтожались ни в чем не повинные мирные люди. Но та война была ожидаемой. После захвата Гитлером Польши в 1939 году, а за тем захватом одной Европейской страны за другой, гитлеровские войска неуклонно приближались к границам Советского Союза. Война с фашистской Германией, несмотря на подписанный в августе 1939 года пакт о ненападении между СССР и гитлеровской Германией, была настолько прогнозируемая, что даже появились кинофильмы с таким, например, названием: «Если завтра война» и песни –

*«Гремя огнем, сверкая блеском стали,
Пойдут машины в яростный поход,
Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет!»*

Войну же между Россией и Украиной никто не ожидал. Трудно даже было себе представить, что путин пойдет по стопам Гитлера, напав на мирную, независимую Украину в ночь с 23 на 24 февраля 2022 года.

Рассказы, опубликованные в книге, не дают полного представления о всех ужасных событиях, которые принесла с собой эта война. Когда-нибудь о ней будут написаны книги и сняты кинофильма. А пока я делюсь с читателями своими впечатлениями о том, что происходит в нашей стране.

ЧЕТЫРЕ ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ

Много лет тому назад в одной из одесских газет была напечатана моя статья о гибели теплохода «Умань». 13 января 1964 года судно затонуло в Кадисском заливе у берегов Португалии. Случилось это в жестокий шторм.

«Умань» шла из Туапсе в Бельгию с грузом марганцевой руды. От стремительной качки груз в трюмах сместился, судно получило критический крен и пошло ко дну. Многие члены экипажа погибли, но некоторым, к счастью, удалось спастись.

А спасал моряков «Умани» экипаж западногерманского теплохода «Библис», который, получив сигнал SOS с гибнущего судна, подошел к месту аварии. Среди спасенных членов экипажа советского теплохода был мой близкий друг Олег Лобкин. «Библис» доставил спасенных моряков в Гибралтар, откуда на черноморском танкере «Грозный» они прибыли в Одессу.

После всего случившегося я был уверен, что мой друг никогда больше не пойдет в море. Но, встретившись с Олегом, который

во всех подробностях рассказал мне о гибели «Умани», я узнал, что он не собирается бросать любимую работу. Сказав при этом, что он как стоял вахту четыре через восемь, так и будет стоять.

Когда в советское время я работал на судах Черноморского пароходства, каждая вахта имела свое название. Самая тяжелая — с ноля часов до четырех утра — называлась «собачьей» вахтой. Вахта с четырех часов дня до восьми вечера — «беспартийной». Называлась она так потому, что после пяти часов вечера, когда заканчивался рабочий день, помполиты (помощники капитанов по политической части), которые были обязательны на каждом советском судне, устраивали почти ежедневно партийные, комсомольские, профсоюзные или общесудовые собрания. А вахта с восьми вечера до ноля часов называлась «прощай, молодость». Потому, что после вечернего чая демонстрировались кинофильмы или проводились другие культурно-образовательные мероприятия.

Но вот уже давно нет помполитов. Нет ни партийных, ни комсомольских собраний. Но нет и Черноморского пароходства, разграбленного и уничтоженного не пришельцами

извне, а своими же высокопоставленными чиновниками. Как нет уже Николаевского судостроительного завода. На нем для Черноморского морского пароходства строились крупнотоннажные танкеры и сухогрузы. Там же были построены две огромные китобойные флотилии: «Советская Украина» и «Советская Россия». Суда Николаевского завода покупала даже такая мощная судостроительная страна, как Западная Германия.

Что же касается Черноморского морского пароходства, то авторитет его в мире был настолько высок, что, когда в 1956 году президент Египта Насер национализировал Суэцкий канал, принадлежавший египетскому капиталу, и лоцманы-англичане в знак протеста ушли, то Насер обратился к Черноморскому пароходству с просьбой пригласить советских капитанов-одесситов. И они, проработав несколько лет по проводке судов по каналу, научили этому делу египтян.

Да, торгового флота у сегодняшней Украины нет. Хотя такие сухопутные страны, как Швейцария и Чехия, тем не менее, имеют торговый флот, арендуя в западноевропейских портах причалы. В советские времена эти страны приглашали на работу наших одесских

капитанов. А в мореходных училищах нашего города учились курсанты из Чехии и Швейцарии.

Мореходные училища работают в Одессе и сегодня, куда с охотой идет учиться молодежь, мечтающая о романтике моря. Но по окончании учебы, получив дипломы штурманов или механиков, сталкивается с проблемой трудоустройства.

После развала ЧМП в Одессе появилось множество так называемых крьюинговых компаний, которые стали заниматься трудоустройством моряков на иностранные суда. Но это стоит денег. А у ребят, только закончивших мореходное училище, таких денег нет. Хорошо, у кого есть денежные родители или родственники. А что остается делать тем, у кого таких возможностей нет?

Но это еще не все. Если раньше моряку любой специальности для получения международных документов, дающих право работать на судах иностранных компаний, нужно было потратить порядка 500 долларов, то с приходом на пост министра инфраструктуры Украины господина Криклия, в ведении которого оказалась вся морская отрасль, побо-ры с моряков достигли 8,5 тысячи долларов!

Моряки протестовали, обращались в Верховную Раду и к президенту. И лишь недавно, после снятия Криклия с должности, глава государства подписал документ, прекративший «пиратские» поборы.

Но пока шли протесты, некоторые иностранные судовладельцы отказались от услуг наших моряков. Так, например, находящееся в Одессе представительство старейшей датской судоходной компании «Маерск», предоставлявшее работу нашим морякам на своих контейнеровозах, закрыло крюинг. Рабочие места украинских специалистов заняли филиппинцы, корейцы, болгары, поляки.

Сложности для наших моряков усугубились еще и разразившейся в мире пандемией. Находясь в рейсах по 6-7 месяцев, моряки — из-за строжайшего карантина во многих странах — нигде не могут сойти на берег. И даже в некоторых случаях не могут вовремя получить продукты, воду, топливо.

Но, несмотря ни на что, продолжая морскую славу Одессы, наши моряки, хоть и под чужими флагами, несут свою нелегкую вахту на морях и океанах. Каждый день и каждую ночь. Четыре через восемь.

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Летом этого года меня, как писателя-мариниста пригласили на встречу с ветеранской организацией одесских китобоев.

Когда-то в советские времена китобойи были гордостью Одессы. С первых послевоенных лет они уходили на промысел в далекую холодную Антарктику на китобойной флотилии «Слава». Сама китобаза и китобойные суда были пригнаны в Одессу из поверженной фашистской Германии. А позже, когда флотилия по своему техническому состоянию пришла в негодность, на Николаевском судостроительном заводе были построены две новые китобойные флотилии. Одна была названа «Советская Россия», а другая — «Советская Украина». «Советская Россия» ушла работать на Дальний Восток, а «Советская Украина» была приписана к Одессе.

Каждую осень китобойи уходили в Антарктику на свой нелегкий промысел, который длился 8-9 месяцев. И каждое возвращение китобоев в Одессу было настоящим праздником города.

Когда «Советская Украина» кильватерным строем медленно входила в Одесский порт, где на причалах с огромными букетами цветов встречали ее друзья и родственники, не только причалы порта были полны встречающих, но и на склонах Приморского бульвара и даже на крышах близстоящих домов было полно народа. На вошедшей в порт китобазе был виден огромный транспарант «Здравствуй, любимая Родина!».

После швартовки китобазы к родному причалу, на котором были построены трибуны, где китобоев ожидало все руководство города, капитан-директор «Советской Украины» Алексей Николаевич Соляник сходил на берег и докладывал первому секретарю Одесского обкома партии о выполнении китобоями государственных планов, а потом, поднявшись на трибуну, приветствовал одесситов и благодарил за торжественную встречу.

Три дня город праздновал возвращение этих отважных людей. Во всех одесских дворах, где жили китобои, стояли накрытые столы, за которыми сидели не только соседи возвратившегося из Антарктики китобоя, но даже прохожие, случайно оказавшиеся у этого двора.

В те советские времена китобои были настолько в почете, что им даже была посвящена оперетта «Белая акация», музыку для которой написал знаменитый композитор Исаак Дунаевский. Одна из песен «Белой акации» стала гимном Одессы. А на Одесской мэрии куранты каждый час отбивают мелодию из этого гимна.

Плавая третьим механиком на танкере «Херсон», я два раза ходил в Антарктику и видел, как в тяжелейших условиях охотились на китов мои земляки. Мы привозили китобоям почту, дизельное топливо, живой скот — свиней и овец, — которых они забивали на китобазе. А в обратный рейс мы брали в танки китовый жир. И каждый наш приход в Антарктику тоже был для китобоев праздником.

Моя встреча с ветеранами «Советской Украины» происходила на улице Левитана в кафе с громким названием «Пафос». Народу собралось немало. С китобоями пришли не только их взрослые дети, но и внуки. Выступая перед китобоями, я рассказал о многолетней литературной работе и о том, что несколько раз бывал в Антарктике и видел, каким адским был труд этих людей.

После моего выступления среди многих вопросов был и такой: «С какими интересными

людьми приходилось встречаться в дальних плаваниях?»

Встреч было много. Запомнились не все. Одной из главных была моя встреча с артистами Московского театра им. Вахтангова.

Одно время я плавал старшим механиком на пассажирском теплоходе «Украина». Работали мы на Ближневосточной линии Одесса-Бейрут. И однажды, возвращаясь в Одессу, зашли в порт Фамагуста на Кипре, где к нам на борт поднялись московские артисты, гастролы которых проходили на этом острове. Имена этих артистов, известные по кинофильмам, гремели по всему Советскому Союзу: Михаил Ульянов, Юрий Яковлев, Василий Лановой, Юлия Борисова, Андрей Мягков, Надежда Румянцева, Владимир Этуш.

Когда вышли в море, вечером, капитан «Украины» Борис Саввич Кисов устроил для наших гостей банкет, на который капитан пригласил и меня. За накрытым столом мне посчастливилось сидеть между Михаилом Ульяновым и Василием Лановым. Честно говоря, они больше налегали на коньяк, чем на разговоры со мной. Но сам факт этой встречи запомнился мне надолго.

А вторая запомнившаяся встреча состоялась во время моей поездки в Израиль. В Иерусалиме живут мои друзья, которые и пригласили меня в гости. Между Одессой и Хайфой ходил пассажирский теплоход «Дмитрий Шостакович». На борту судна я встретил своего старого друга Михаила Изаксона, с которым после окончания мореходной школы мы вместе плавали кочегарами на пароходе «Курск». Узнав, что из Хайфы я должен ехать в Иерусалим, Михаил предложил мне сначала посетить Тель-Авив, где жил его брат, который будет встречать его в Хайфе. «Посидим, поговорим, поужинаем, — сказал Михаил, — а утром уедешь в Иерусалим».

После встречи в Хайфе и знакомства с братом Михаила и его женой, мы поехали к ним домой, где меня представили отцу Михаила. Ему было 80 лет, звали его Арон Моисеевич.

После ужина он отозвал меня в сторону, усадил перед собой и спросил с типичным одесским акцентом: «Так где вы живете в Одессе?». Я сказал: «На Черемушках». Старик вздохнул, вытер платком выступившие слезы и тихо проговорил: «А я жил на Костецкой. Вы знаете, где это?».

— Конечно, на Молдаванке!

И он опять вздохнул: «Да, это на моей Молдаванке, где я прожил всю жизнь, пока эти двое (он кивнул в сторону брата Михаила и его жены) не затащили меня сюда. Вы не знаете, зачем мне это нужно? У нас во дворе тоже хватало евреев. Но, помимо евреев, кого там только не было: и болгары, и поляки. Я уже не говорю про русских и украинцев! И все мы жили как одна семья. Если у кого-то именины — во дворе ставили столы, и эти именины отмечал весь двор. А про свадьбы и рождения детей — уже и говорить нечего. У нас во дворе жил один китобой, и когда он возвращался со своей Антарктики — во дворе гуляла вся Костецкая. В этом дворе я родился и жил до самого отъезда сюда. Вы не знаете, зачем мне было ехать?»

В таком тоне наша беседа длилась почти всю ночь. Хотя жена Михаила, постелив мне в другой комнате, крикнула старику: «Арон Моисеевич, перестаньте морочить человеку голову. Отпустите его спать!».

Но старик, взяв меня за руку, попросил: «Посидите еще немножко, я смотрю, вы умеет слушать. Меня же здесь никто не слушает. И когда я начинаю вздыхать по своей родной Костецкой, они думают, что я сошел с ума.

Чем тебе здесь плохо? — спрашивает Михаил. Я молчу, но про себя думаю, что мне, таки да, плохо. Когда вернетесь в Одессу, пойдите, пожалуйста, на Костецкую, в двенадцатый номер, просто войдите во двор и скажите этому двору: «Я привез привет от старого Арона». И дайте мне честное слово, что вы это сделаете».

Вот такой у меня был ночной разговор во время поездки в Израиль. Вернувшись в Одессу, я выполнил просьбу старика. Я вошел в этот старый одесский двор, где бегали дети, где в углу двора четверо в пропотевших майках мужчин шумно играли в домино, и где какая-то женщина, идя очевидно с «Привоза» с двумя тяжелыми сумками, наполненными овощами и фруктами, кричала в открытое на втором этаже окно: «Коля, имей совесть, выйди и помоги!».

Я стоял в этом дворе и думал: «Что бы сказал, глядя на все это, старый Арон Моисеевич, живущий далеко-далеко».

Вот о чем говорил я на встрече со старыми «просоленными» одесскими китобоями.

ИСТОРИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Двадцать девятого сентября исполнилось 80 лет со дня трагедии Бабьего Яра, где с приходом в Киев немецко-фашистских оккупантов в этом страшном месте были расстреляны около 70 тысяч евреев — женщин, стариков и детей. Точные цифры жертв до сих пор не установлены...

В советские времена об этой страшной трагедии умалчивалось. А два известных советских литератора — Виктор Некрасов, автор повести «В окопах Сталинграда», отмеченный Сталинской премией, и поэт Евгений Евтушенко, ратовавший за увековечение памяти невинных жертв и установление памятника на месте трагедии, пострадали. Виктору Некрасову пришлось даже эмигрировать. А Евгений Евтушенко, который, побывав на месте трагедии, написал стихотворение «Бабий Яр», опубликованное в «Литературной газете», надолго был лишен права печататься.

Сегодняшним молодым читателям все это покажется странным и непонятным. Но люди старшего возраста хорошо помнят

сталинские времена и развязанный Сталиным государственный антисемитизм. Он ярко проявился после окончания Великой Отечественной войны. Так, по приказу Сталина был убит (якобы он погиб в автокатастрофе) народный артист СССР, художественный руководитель Московского еврейского государственного театра и председатель Еврейского антифашистского комитета Соломон Михоэлс. Это произошло 13 января 1948 года (о чем свидетельствовала дочь Сталина Светлана в своей книге «Двадцать писем другу»).

После убийства Михоэлса Еврейский театр был закрыт, а многие его ведущие артисты арестованы. Также был распущен и Еврейский антифашистский комитет, созданный самим же Сталиным в годы войны. И благодаря работе этого комитета американские евреи дали миллионы долларов на вооружение Красной Армии.

Все члены Еврейского антифашистского комитета были арестованы по обвинению в шпионаже в пользу Америки. А после долгих пыток и издевательств, по приговору сталинского суда 12 августа 1952 года расстреляны.

Развязанная Сталиным антисемитская кампания по борьбе с «безродными

космополитами» привела к тому, что из университетов, больниц и других государственных учреждений изгонялись профессор и ведущие специалисты-евреи. А в начале января 1953 года началось так называемое «дело врачей». Были арестованы и также обвинены в шпионаже в пользу Америки ведущие врачи Кремлевской больницы — профессора Коган, Вовси, Фельдман и другие. Им грозила смертная казнь. Но после смерти Сталина 5 марта 1953 года их оправдали и выпустили из тюрьмы. Кроме одного — он умер под пытками при допросах на Лубянке.

Созданная к тому времени известными советскими писателями Ильей Эренбургом и Василием Гроссманом «Черная книга» — об уничтожении евреев на оккупированных фашистами территориях Советского Союза, уже готовая к печати, была запрещена, набор рассыпан. И лишь много лет спустя «Черную книгу» издали в Израиле. К сожалению, и после смерти Сталина, уже во времена правления Хрущева, с антисемитизмом в СССР покончено не было.

А теперь о стихотворении «Бабий Яр».

Я плывал старшим механиком на теплоходе «Аркадий Гайдар». Теплоход был построен

в городе Тула в 1964 году. На подъем Государственного флага СССР из Москвы прилетел сын писателя Аркадия Гайдара — Тимур Аркадьевич Гайдар. В чине контр-адмирала он работал заведующим военным отделом газеты «Правда». И одновременно являлся членом редколлегии журнала «Пионер». Познакомившись со мной и узнав, что я пишу очерки и рассказы о моряках, он попросил написать о первых рейсах теплохода и его экипаже. При этом он дал мне свой московский адрес и номер телефона.

Выполняя просьбу Тимура Гайдара, я написал большой очерк, который назвал «Место работы — океан». Благодаря Тимуру Аркадьевичу мой очерк опубликовали в журнале «Пионер». Уйдя в отпуск, я прилетел в Москву и позвонил Гайдару. Он пригласил меня на обед в ЦДЛ (Центральный Дом литератора).

Я был в морской форме с золотыми нашивками на рукавах. И неожиданно к нашему столику подошел Евгений Евтушенко. «Тимур, — сказал он, — представь меня этому моряку! Моряки не так часто здесь бывают». Я засмеялся: «Евгений Александрович, вас и так все знают. А что касается меня — я плаваю

старшим механиком на теплоходе «Аркадий Гайдар» и живу в Одессе».

Евтушенко улыбнулся: «Половину мира объездил, а в Одессе не бывал! Но буду обязательно!». И, пожав мне руку, отошел. И вот тут Тимур Аркадьевич Гайдар рассказал мне историю стихотворения Евтушенко «Бабий Яр».

— Не помню, в каком это было году, — Евтушенко приехал в Киев. Вместе с киевским писателем Анатолием Кузнецовым, который мальчиком в годы оккупации помнил шествие евреев, подгоняемых немецкими солдатами к месту казни, повел Евтушенко к месту трагедии, превращенному местными властями в городскую мусорную свалку. Евтушенко долго стоял на этом месте потрясенный. А вернувшись в Москву, написал стихотворение «Бабий Яр». Это стихотворение не решались напечатать ни «Правда», ни «Известия», ни «Комсомольская правда». И только главный редактор «Литературной газеты» Валерий Косолапов сказал: «Ну, Женя, держись! Меня за эту публикацию уволят сразу, а тебе — тоже несдобровать».

Так и случилось. Главный редактор действительно был уволен. Что же касается

Евгения Евтушенко, то на него обрушился град критики. А в одной из статей московского литературного журнала «Наш современник», с явной антисемитской направленностью, было сказано, что Евтушенко потворствует международному сионизму. Травля поэта дошла до того, что ему пришлось уехать из Москвы в Сибирь, где он написал поэму «Братская ГЭС», опубликованную позже в журнале «Юность».

И вот однажды, находясь в Одессе, я прочитал афишу — «Творческий вечер поэта Евгения Евтушенко в филармонии». Я тут же купил билет и через несколько дней сидел в переполненной зале филармонии. И, стоя вместе со всем залом, аплодировал появившемуся на сцене поэту.

Первое, что сделал в начале выступления Евгений Евтушенко, — преклонил колено перед сидевшим в первом ряду почетным гражданином Одессы Борисом Давидовичем Литваком, создателем «Дома с ангелом» для больных детей. Читал он стихотворений много. Но когда дошел до «Бабьего Яра», зал стал ему аплодировать стоя. А одна женщина, взбежав на сцену, обняла и поцеловала поэта.

Бабий Яр

*Над Бабьим Яром памятников нет.
Крутой обрыв, как грубое надгробье.
Мне страшно. Мне сегодня столько лет,
как самому еврейскому народу.*

*Мне кажется сейчас — я иудей.
Вот я бреду по Древнему Египту.
А вот я, на кресте распятый, гибну,
и до сих пор на мне — следы гвоздей.*

*Мне кажется, что Дрейфус — это я.
Мещанство — мой доносчик и судья.
Я за решеткой. Я попал в кольцо.
Затравленный, оплеванный, оболганный.
И дамочки с брюссельскими оборками,
визжа, зонтами тычут мне в лицо.*

*Мне кажется — я мальчик в Белостоке.
Кровь льется, растекаясь по полам.
Бесчинствуют вожжи трактирной стойки
и пахнут водкой с луком пополам.*

*Я, сапогом отброшенный, бессилён.
Напрасно я погромищиков молю.
Под гогот: «Бей жидов, спасай Россию!» —
насилует лабазник мать мою.*

*О, русский мой народ! — Я знаю — ты
По сущности интернационален.
Но часто те, чьи руки нечисты,
твоим чистейшим именем бряцали.*

*Я знаю доброту твоей земли.
Как подло, что, и жилочкой не дрогнув,
антисемиты пышно нарекли
себя «Союзом русского народа»!*

*Мне кажется — я — это Анна Франк,
прозрачная, как веточка в апреле.
И я люблю. И мне не надо фраз.
Мне надо, чтоб друг в друга мы смотрели.*

*Как мало можно видеть, обонять!
Нельзя нам листьев и нельзя нам неба.
Но можно очень много — это нежно
друг друга в темной комнате обнять.*

*Сюда идут? Не бойся — это гулы
самой весны — она сюда идет.
Иди ко мне. Дай мне скорее губы.
Ломают дверь? Нет — это ледоход...*

*Над Бабьим Яром шелест диких трав.
Деревья смотрят грозно, по-судейски.
Все молча здесь кричит, и, шапку сняв,
я чувствую, как медленно седею.*

*И сам я, как сплошной беззвучный крик,
над тысячами тысяч погребенных.
Я — каждый здесь расстрелянный старик.
Я — каждый здесь расстрелянный ребенок.*

*Ничто во мне про это не забудет!
«Интернационал» пусть прогремит,
когда навеки похоронен будет
последний на земле антисемит.*

*Еврейской крови нет в крови моей.
Но ненавистен злобой заскорузлой
я всем антисемитам, как еврей,
и потому — я настоящий русский!*

ПЛОТ «МЕДУЗЫ»

Недавно я поспорил со своим приятелем, как поступать в сложных обстоятельствах — по совести или по закону, — если закон не отвечает твоим убеждениям. Говорят, в споре рождается истина. До истины мы не добрались, но этот спор напомнил мне одну историю, о которой я хочу рассказать.

После развала Советского Союза и уничтожения Черноморского пароходства, на судах которого проработал много лет, я уехал на несколько лет в Германию. Получив шенгенскую визу, я мог побывать в любой европейской стране. Но первой выбрал Францию.

Жил я в небольшом немецком городке, от которого до Франции была одна ночь пути. Сев вечером в автобус, утром я уже был в Париже. Автобус остановился на площади Трокадеро напротив Эйфелевой башни. Выпив в ближайшем кафе чашечку парижского кофе, на метро добрался до Лувра, где мечтал побывать всю жизнь.

Плавая на судах ЧМП, я много раз бывал в портах Франции — Марселе, Гавре, Дюнкерке,

Руане. Но съездить в Париж в советские времена нам, морякам, было невозможно. И вот я здесь...

Многие шедевры Лувра, этого знаменитого музея, я знал по репродукциям, которые наравне с шедеврами Эрмитажа и Третьяковской галереи печатались в популярном советском журнале «Огонек». Но одно дело репродукции, а другое — когда стоишь перед оригиналом полюбившейся картины, которая словно оживает на твоих глазах.

Правда, к «Моне Лизе» Леонардо да Винчи, с ее загадочной улыбкой, которая свыше пятисот лет волнует ее почитателей, подойти сразу было нельзя. К ней стояла очередь. Ну, а потом были «Свобода на баррикадах» Делакруа, «Коронация Наполеона» Давида, изумительные картины Эль Греко и грандиозное полотно Теодора Жерико «Плот «Медузы», от которого я, как моряк, долго не мог отойти.

Картина «Плот «Медузы» была написана художником в 1819 году. Сюжетом послужила катастрофа французского фрегата «Медуза», севшего на мель у берегов Африки. На борту, помимо команды, были пассажиры. Спасательных шлюпок на всех не хватало. И команда фрегата соорудила плот, на

который высадились часть матросов и пассажиры. Расчет был на то, что плот течением прибудет к берегу, но его унесло в океан. Провизии и питьевой воды было мало. И это усугубило трагедию. Кроме того, разыгравшимся штормом часть людей смыло с плота. Оставшиеся на нем люди, сходя с ума от безысходности, набрасывались друг на друга и даже поедали тела умерших.

Все это мне напомнило аналогичную картину, которую я видел у берегов Вьетнама. В течение долгих одиннадцати лет, пока во Вьетнаме шла война между Северным коммунистическим Вьетнамом и Южным капиталистическим, с 1964-го по 1975 годы, суда ЧМП постоянно ходили в единственный порт Северного Вьетнама — Хайфон. Советский Союз, поддерживая правительство Северного Вьетнама во главе с его вождем Хо Ши Мином, доставлял в Хайфон продовольствие, оружие, медикаменты. Южный капиталистический Вьетнам поддерживали США. Американские самолеты безжалостно бомбили города Северного Вьетнама и сжигали напалмом целые деревни вместе с людьми.

Все эти годы, плавая старшим механиком на теплоходе «Аркадий Гайдар», я постоянно

бывал в Хайфоне и видел все ужасы, которые переживал северовьетнамский народ. И вот однажды в одном из таких рейсов мы встретили в открытом море полузатопленное суденышко с заглохшим мотором, на котором увидели несколько десятков человек — женщин, стариков, детей. Завидев наше судно, несколько человек стали подавать нам знаки, прося о помощи. Остальные были неподвижны, словно мертвецы.

В том рейсе капитаном нашего теплохода был Павел Карпович Горобец, подменивший ушедшего в отпуск штатного капитана Виктора Алексеевича Бовжученко.

В 1949 году китайский остров Тайвань объявил о своей независимости от коммунистического Китая. Президент Тайваня генералиссимус Чан Кайши заключил договор о дружбе и военном союзе с США.

В 1954 году Павел Карпович был вторым помощником капитана на танкере «Туапсе», захваченном в Тайваньском проливе чанкайшистами. «Холодная война» между США и СССР была в разгаре. И операция по захвату советского танкера чанкайшистами была проведена под эгидой американцев.

Экипаж танкера во главе с капитаном Калининым провел полтора года в тюрьме

на острове Тайвань. Моряков содержали в нечеловеческих условиях, подвергая пыткам и издевательствам, склоняя к измене родине. Шесть человек из экипажа, не выдержав пыток, подписали заявление о предоставлении им в США политического убежища. Судьбы их были печальны. Остальные моряки, в том числе и Павел Карпович, проявив нестигаемую волю и мужество, вернулись на родину.

И вот теперь, встретив в открытом море это полузатопленное суденышко с несчастными людьми, Павел Карпович приказал старпому спустить моторный бот и взять этих людей к нам на борт.

Тут нужно сказать, что, спасаясь от ужасной войны, которая велась американцами на территории Северного Вьетнама, оттуда в Южный Вьетнам бежало немало людей. И советским капитанам предписывалось ни в коем случае не оказывать таким беглецам никакой помощи. Однако капитан Горобец, переживший на Тайване не только издевательства, но и муки голода, посочувствовал этим людям и взял их на борт, приказав судовому врачу оказать им посильную медицинскую помощь. Везти их назад в Хайфон, куда мы шли, — означало верный расстрел за измену родине. И капитан

развернул теплоход в сторону Сайгона — главного порта Южного Вьетнама.

Наш помполит, увидев куда поворачивает капитан, закричал: «Что вы делаете? Вы же потеряете свою капитанскую должность!». «Но не совесть!» — резко ответил Павел Карпович и передвинул рукоятку машинного телеграфа на «полный вперед».

Порт Сайгон находился на реке, носившей такое же название. Подойдя к устью реки. Капитан связался с южновьетнамскими властями и попросил снять с нашего борта спасенных людей.

К моменту нашего прихода к устью реки Сайгон многие из них с помощью нашего врача и поварихи уже пришли в себя.

Вскоре после того, как мы стали на якорь у входа в реку, к нам подошли южновьетнамское военное судно и большая самоходная баржа, на которую и были пересажены спасенные нашим капитаном люди.

Ну, а по возвращении в Одессу каждый из членов нашего экипажа имел беседы с представителями КГБ. Что же касается самого капитана, то с ним, очевидно, велись «особые» беседы, но на должности он остался.

Вот, что мне напомнила картина в Лувре. И я до сих пор задаюсь вопросом: как в сложных житейских обстоятельствах поступать — по совести или по закону?

ПОМНИТЬ!

Нынешний год — год трагических юбилеев. 29 сентября исполнилось 80 лет со дня страшной трагедии Бабьего яра, где были расстреляны немецко-фашистскими оккупантами и их пособниками тысячи киевских евреев.

16 октября исполнилось 80 лет со дня начала оккупации фашистами Одессы. В эти дни исполняется 80 лет с того страшного дня, когда захватившие Одессу румыны загнали в пороховые склады, что на Люстдорфской дороге, 25 тысяч евреев — женщин, детей, стариков, вместе с пленными краснофлотцами и красноармейцами, облили эти склады бензином и заживо сожгли загнанных туда людей.

А в конце декабря этого года исполнится 80 лет со дня устроенного оккупантами на Слободке за высоким забором бывшего общежития института «водников», где сегодня располагается экипаж Морской академии, одесского гетто.

В 1941 году, когда я впервые увидел вражеского солдата, мне было одиннадцать лет. Но

все события, происходившие тогда в нашем городе, я помню так, словно это было вчера.

Румыны входили в город, который 73 дня ожесточенно оборонялся от наступавших на него румынских и немецких дивизий. Они шли по пустынным притихшим улицам с почерневшими полуразрушенными от воздушных бомбардировок домами, осторожно обходя баррикады, которые одесситы устроили на улицах, готовясь к уличным боям. Румыны шли, озираясь, как воры, не веря, что город оставлен его защитниками.

Мы жили в Красном переулке в доме № 5. В конце того дня, 16 октября 1941 года, к нам во двор вошел первый румынский солдат. Все соседи выбежали из своих квартир посмотреть на незваного гостя. Солдат с черной цыганской бородой был одет в грязную коричневую шинель. За спиной у него виднелась винтовка. Оглядев собравшихся во дворе людей, он показал жестом, что хочет есть. Ему стали выносить — кто сухарь, кто кусочек мамалыги. А дворничиха вынесла табуретку и, усадив на нее солдата, принесла ему котелок с супом. Румын положил у ног винтовку и принялся жадно есть. Поев, он облизал ложку, оглядел толпившихся вокруг

него людей, и вдруг сказал: «Жидан капут!». «Жидан, оце мабуть, жиды по-нашему», — громко сказала дворничиха и, поглядев на двух стоявших возле нее пожилых евреек, усмехнулась.

Таким мне запомнился первый день фашистской оккупации.

Жили мы на первом этаже. И в ту же ночь к нам ворвались человек пять румынских солдат, которые, распахнув шкаф, стали отбирать теплые вещи. Такие грабежи продолжались и в последующие дни и ночи. Забирали постельное белье, скатерти, банки с вареньем, сняли даже настенные часы.

23 октября партизаны взорвали на улице Маразлиевской (тогда она называлась Энгельса) румынский штаб. Погибло много высших румынских чинов. И на улицах города оккупанты стали хватать заложников. Их загоняли в подвалы, а через день я впервые в жизни увидел повешенных. На груди у каждого висела табличка «Я партизан». Виселицы стояли на улице Розы Люксембург, сегодня это улица Бунина. Стояли от Преображенской до Красного переулка.

А еще через день по всему городу был развешен приказ румынских властей — всем

евреям Одессы явиться в городскую тюрьму. За неявку — расстрел. Из потянувшихся в тюрьму толп людей румынские солдаты прикладами винтовок отгоняли в сторону женщин, стариков, детей, погнав их на Люстдорфскую дорогу в пороховые склады. А что было с этими людьми дальше, я уже сказал в начале этой статьи.

В тюрьме мы пробыли до середины ноября. Неожиданно нас выпустили. Очевидно, тюрьма понадобилась румынским властям для более серьезных преступников.

Когда мы вернулись в свой Красный переулок, то увидели над дверях нашей квартиры надпись — «Здесь живет русская православная христианка Людмила Нехлюдова». Это была дочь дворничихи. Увидев нас — меня, мать и сестру, — она удивленно спросила: «Как, разве вас не убили?». Правда, квартиру освободила.

Но прожили мы в ней недолго, так как уже в декабре появился новый приказ румынских властей — всем евреям города Одессы прибыть на Слободку в гетто.

Все, что происходило в гетто — голод, холод, эпидемия сыпного тифа, вывоз людей на расстрелы в села Одесской области, доманевский концлагерь, в который мы были

вывезены из гетто уже весной 1942 года, — было описано в моих предыдущих книгах.

Мне кажется, что сам Бог решил оставить живыми немало таких, как я, переживших ужасы Второй мировой войны, чтобы мы о них рассказали. Как оставил в живых бывшего узника лагеря смерти «Освенцима» — Симона Визенталя, который, открыв после войны в Вене бюро по поимке нацистских военных преступников, помог усадить на скамью подсудимых десятки гитлеровских головорезов.

XX век пережил две мировые войны, унесшие миллионы человеческих жизней. Но и сегодня, в XXI веке, мир полон ненависти и злобы. Войны развязывают политики, но на полях сражений погибают простые люди.

Нельзя жить, закрывая глаза на прошлое.
Помнить. Помнить. Помнить!

ЗИМНЕЕ МОРЕ

Я пишу эти строки глубокой осенью, когда давно опустели одесские пляжи, над которыми с тоскливыми криками кружат чайки. Море спокойно. Его тугая синева поблескивает под лучами осеннего солнца, но горизонт уже обложен мрачными тучами — предвестниками зимних штормов.

За долгие годы работы на судах Черноморского пароходства я исходил все моря и океаны. Штормовал в Атлантике, Индийском океане, в Тихом, у берегов Японии, но нигде не видел таких свирепых штормов, какие бывают зимой на Черном море.

Уже с начала декабря начинает дуть неистовый норд-ост — северо-восточный ветер, знаменитая черноморская бара. Море вскипает от Батуми до Босфора двенадцатибальным штормом. Огромные волны обрушиваются на прибрежные скалы, ослепляя все белой соленой пеной, сквозь которую еле видны огни маяков. И плохо приходится тому судну, которое попадает в море в эту бешеную погоду.

Но даже когда утихает шторм, море покрывает плотный туман, в котором суда идут словно на ощупь, подавая друг другу длинные тоскливые гудки. В феврале погода неожиданно налаживается. Сквозь редкие тучи пробивается солнце, и чайки одна за другой садятся на воду. Глядя на них, вспоминаю старую морскую поговорку: «Если чайки сели в воду — жди хорошую погоду». И такая погода длится уже до середины марта, когда море вновь огрызнется штормом, но не таким уже сильным, как в начале зимы.

И вспомнилось...

13 января 1978 года теплоход «Аркадий Гайдар», следуя с грузом каучука из Малайзии в Одессу, пройдя Босфор и выйдя в бушевавшее под напором норд-оста Черное море, принял сигнал SOS от терпящего бедствие греческого судна.

Интересно, что 13 января, но 1964 года, в Кадисском заливе у берегов Португалии затонул от смещения груза марганцевой руды теплоход «Умань».

И 13 января 1972 года, снявшись из Одессы на Вьетнам, теплоход «Моздок» ночью в морозном тумане, выйдя за Воронцовский маяк, столкнулся на Одесском рейде со

стоявшим на якоре болгарским теплоходом «Лом». От столкновения «Моздок», получив в носовой части большую пробоину, затонул.

И вот снова 13 января...

Качало сильно. Волны захлестывали палубу, и брызги, долетая до мостика, стекали по окнам рулевой рубки, как струйки дождя.

SOS мы приняли днем, но когда подошли к «греку», был уже вечер. В темноте виднелись вспененные гребни волн, которые перекатывались через полузатонувшее судно. Над волнами виднелась только корма с кучкой греческих моряков в желтых спасательных жилетах, которые пускали в небо красные факелы, взывая о помощи. Осветив корму прожектором, мы прочли название и порт приписки судна — «Манолис Глезос», Пирей.

Манолис Глезос был национальным героем Греции. Перед нападением гитлеровской Германии на Советский Союз, когда немецкие войска оккупировали почти все европейские страны, была оккупирована и Греция. Над греческой святыней Парфеноном захватчики подняли фашистский флаг. Молодой журналист Манолис Глезос, поднявшись на Парфенон, сорвал фашистский флаг и на его место водрузил греческий. За это он был

схвачен гестапо и провел несколько лет в тюрьме.

Сидя за решеткой, он написал книгу «Свободная Греция». Эта книга после окончания Второй мировой войны была издана в Советском Союзе. Общественный деятель и борец за мир Манолис Глезос неоднократно бывал в СССР и за свою деятельность был удостоен звания лауреата Ленинской премии «За укрепление мира между народами».

И вот сейчас перед нами было тонущее судно с его именем. Спускать спасательные шлюпки в такую погоду не имело смысла — на веслах далеко не уйдешь. Поэтому для снятия с тонущего судна греческих моряков капитан решил спустить моторный бот. В мотобот сели старпом, боцман, двое матросов и четвертый механик. Отойдя от нашего судна, мотобот то взлетал на гребень волны, то проваливался между волн. Но все же подошел к корме гибнущего судна. И при виде мотобота греки начали прыгать в воду, понимая, что иначе их с «Манолиса Глезоса» не снять. А наши моряки начали их вылавливать одного за другим и втаскивать на мотобот. Всего терпящих бедствие было 15 человек. Наши ребята всех их благополучно доставили на борт «Аркадия Гайдара».

По приходу в Одессу спасенных с «Манолиса Глезоса» моряков встречал греческий консул. А потом в Генеральном консульстве Греции для нашего экипажа был устроен торжественный прием. На этом приеме мы узнали причину гибели судна.

Оно шло из Мариуполя (тогда он назывался Жданов) с грузом угля в Италию. Выйдя из Азовского в Черное море, судно попало в сильный шторм. Ударом волны деформировалась стальная крышка носового трюма, и в трюм начала поступать вода. Судно получило дифферент на нос. К тому же отказал главный двигатель. Все это и решило судьбу греческого судна.

Закончив в Одессе выгрузку каучука, мы начали грузиться на Кувейт продукцией Одесского сахарного завода. Грузили сахар-песок в мешках. Из Одессы уходили в феврале. Был яркий солнечный день, такие нередко бывают в Одессе зимой. Море было спокойным. На воде сидели чайки, обещая хорошую погоду. А там уже было недалеко до весны...

СТАРАЯ КРЫМСКАЯ

Одесский морской вокзал знают во всем мире. Еще не так давно, до начала пандемии коронавируса, здесь швартовались пассажирские лайнеры под флагами разных стран. И на причалах морского вокзала звучала английская, французская, немецкая, итальянская, греческая и даже японская речь.

Но когда я прихожу на морской вокзал полюбоваться Воронцовским маяком, от которого многие годы уходил в дальние плавания, и подышать незагазованным автомобильными выхлопами свежим воздухом родного Черного моря, то вспоминаю уже далекие советские времена, когда этого вокзала не было и в помине, а в порту была старая пристань, которую называли Крымской. А называли ее так потому, что каждый день от этой пристани отходило по Крымско-Кавказской линии очередное пассажирское судно: «Украина», «Грузия», «Россия», «Львов», «Победа», «Адмирал Нахимов», «Аджария», «Колхида».

А фамилии капитанов этих судов знала вся Одесса. На «Украине» капитаном был И. Манн,

на «Грузии» — Э. Гогитидзе, на «России» — А. Сорока, на «Львове» — М. Григор, на «Победе» — И. Письменный, на «Адмирале Нахимове» — А. Соболев, на «Аджарии» — А. Назаренко, на «Колхиде» — Родриго Эрнандес. По национальности капитаны были русскими, украинцами, капитан Гогитидзе был грузином, а капитан «Колхиды» — испанцем.

...18 июля 1936 года в эфире прозвучала короткая фраза: «Над всей Испанией безоблачное небо». Это был сигнал к началу фашистского мятежа, поднятого испанским генералом Франко против законного республиканского правительства, в котором преобладали коммунисты. С этого дня в Испании началась жестокая гражданская война. Длилась она до 1939 года и закончилась поражением республиканцев. С 1939-го по 1975 годы, до самой смерти генерала Франко, в Испании правил фашистский режим.

В годы той войны Франко помогали главы фашистских государств Германии и Италии — Гитлер и Муссолини, а республиканцам — Советский Союз.

Армады немецких и итальянских самолетов безжалостно бомбили испанские города — Мадрид, Барселону, Валенсию, которые

удерживались республиканцами. И под развалинами разрушенных домов гибли тысячи людей. Военные корабли Франко арестовывали у берегов Испании советские суда с грузами для республиканцев, а то и топили их.

Так, в 1937 году был потоплен теплоход Черноморского пароходства «Комсомол». Экипаж успел высадиться на шлюпки, но моряков подняли на борт франкистского крейсера, который и потопил орудийными залпами советское судно. Экипаж «Комсомола» во главе с капитаном А. Мезенцевым доставили на остров Пальма-де-Майорка и заточили в мрачной средневековой тюрьме «Санта-Мария».

В этой тюрьме моряки провели полтора года, подвергаясь пыткам и издевательствам. Матрос теплохода Иван Гайдаенко, ставший впоследствии известным советским писателем-маринистом, написал об этих событиях роман, который так и назвал — «Санта-Мария».

Так вот, в декабре 1936 года в Одессу пришел испанский теплоход «Ciudad de Tarragona», на борту были дети, чьи родители погибли или на фронте, или в результате ожесточенных бомбардировок мирных городов.

Капитаном теплохода был 36-летний моряк Эрнандес.

Придя в Одессу, капитан узнал, что генерал Франко за вывоз детей в Советский Союз приговорил его заочно к смертной казни. Поэтому возвратиться на родину Эрнандес не мог и попросил у советского правительства политическое убежище.

Из Одессы испанские дети разъехались по разным городам СССР. Со временем они получили в учебных заведениях приютившей их страны хорошее образование и достойные профессии.

А капитан Эрнандес остался жить в Одессе. Теплоход «Ciudad de Tarragona» вступил в строй судов Черноморского пароходства и был переименован во «Львов». Плавал он между портами Черного моря, не выходя за Босфор.

После нападения нацистской Германии на Советский Союз теплоход «Львов» стал плавучим госпиталем, вывозя из осажденной фашистами Одессы, а потом из Севастополя раненых, доставляя их в порты Кавказа. За годы войны теплоход многократно подвергался нападению немецких самолетов, но благодаря мужеству и умелым действиям капитана

оставался на плаву. За свои героические рейсы Указом Президиума Верховного Совета СССР теплоход был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

По окончании войны, когда начал восстанавливаться флот Черноморского пароходства, капитан Эрнандес, получил назначение на пассажирский теплоход «Колхида», работавший постоянно на Крымско-Кавказской линии. Женился. Жену звали Ефросинья. Фрося. Но выйдя замуж за испанца, она стала называть себя Флорой.

В скором времени жене капитана пришлось лететь в Москву вот по какой причине. В СССР на каждом судне обязательно был помполит — помощник капитана по политической части. Но свободолюбивый испанец не терпел над собой никакого контроля. И слыл в пароходстве самым неудобным капитаном. После каждого рейса он списывал очередного помполита.

Кончилось это тем, что из областного комитета партии поступила в пароходство команда — снять с капитанского мостика «Колхиды» этого строптивного испанца. Вот по этой причине жена Эрнандеса летала в Москву к жившей в эмиграции в советской столице генеральному секретарю коммунистической

партии Испании Долорес Ибаррури. Сын ее — военный летчик — погиб в воздушном бою под Сталинградом.

К кому из членов советского правительства обращалась Долорес Ибаррури — не знаю, но из Москвы поступила команда: вернуть Эрнандеса на «Колхиду».

Не помню, по какому поводу газета «Моряк» решила напечатать очерк о капитане Эрнандесе. В те годы я постоянно печатался в этой газете. Заместитель главного редактора Яков Григорьевич Кравцов, который в 20-х годах прошлого века вместе с К. Паустовским начинал работать в «Моряке», попросил меня встретиться с капитаном «Колхиды» и взять у него интервью. Для этого он выдал мне удостоверение внештатного сотрудника газеты.

Моя соседка работала в отделе кадров пароходства. И прежде, чем встретиться с капитаном, я попросил ее дать мне прочитать его личное дело. Из личного дела капитана Эрнандеса я узнал, что родился он в 1899 году в рыбацкой деревушке недалеко от Барселоны. С детства любил море. Он закончил в Барселоне морскую академию, плавал штурманом на торговых судах Испании, а потом и капитаном.

«Колхида» стояла в ремонте. Я пришел на судно и попросил вахтенного штурмана доложить капитану, что с ним хочет побеседовать корреспондент «Моряка». Эрнандес принял меня в своей просторной каюте, предупредив, что времени у него мало, так как он должен идти на совещание.

Несмотря на возраст, это был спортивного вида молодежавый человек с густой гривой седых волос. Во всем его облике чувствовалась интеллигентность. И всем своим видом он напоминал мне аристократа из старинных испанских романов.

По-русски он говорил с небольшим акцентом. Из всего тогдашнего разговора я помню только, как спросил его, что главное в работе капитана. И помню ответ: «Главное — чувствовать свое судно, как живой организм, и уважать тех, с кем работаешь».

Второй раз я увидел Эрнандеса в 1956 году на старой Крымской пристани, откуда уходил в Испанию пассажирский теплоход «Крым», на котором возвращались на родину те самые дети, которых 20 лет назад, в 1936 году, встретила Одесса. Впрочем, в Испанию уезжали уже не дети, а взрослые люди. Перед отплытием теплохода на пристани

состоялся митинг. Провожать испанцев прилетела из Москвы Долорес Ибаррури. После ее страстного выступления на трибуну с прощальными речами подымались представители одесской общественности и сами испанцы, благодарившие советских людей за все, что они для них сделали. На этом митинге выступал и бывший узник тюрьмы «Санта-Мария» писатель Иван Петрович Гайдаенко.

В Испании правил еще фашистский режим генерала Франко. И капитан Эрнандес, приговоренный заочно к смертной казни, вернуться в Испанию не мог.

Когда «Крым» начал отходить от причала, я посмотрел на Эрнандеса — в глазах у него стояли слезы. Уже все провожавшие разошлись, теплоход был далеко за маяком, все дальше и дальше уходя в море, а Эрнандес, все стоял и стоял, глядя вслед теплоходу — на старой Крымской пристани в ставшей для него родной Одессе...

НОЧЬ В ЛЕДЯНОМ ПЛЕНУ

Накануне Нового 2022 года редакция «Вечерней Одессы» попросила меня, как старого автора «Вечерки», который печатается в газете с первых номеров выхода ее в свет, написать что-нибудь к Новому году. Вспомнить какой-нибудь случай встречи Нового года в необычной обстановке.

Читатели «Вечерней Одессы» знают по моим статьям, что я много лет плавал механиком на судах Черноморского пароходства. Новый год редко приходилось встречать дома. Больше — в море. А то и в иностранных портах: в Японии — в Кобе или Осаке, в Индии — в Бомбее или Калькутте, в Таиланде — в Бангкоке. И много раз в Сингапуре, где на огромном сингапурском рейде стоят под флагами разных стран десятки судов, которые с наступлением Нового года начинали дружно гудеть и украшать небо гирляндами разноцветных ракет.

Так вот. Одно время я плавал вторым механиком на танкере «Ельня». Судно имело ледовый класс регистра СССР, но плавало, в

основном, в тропиках. Мы ходили в Индию, Индонезию, во Вьетнам и на Кубу. А однажды получили задание идти на Север, в порт Тикси.

Так как нам предстояло плавание в Северном Ледовитом океане, идя в караване судов за ледоколом, то нужно было поменять наш бронзовый винт на стальной. А для этого — статья в док.

В Одессе доки были заняты, и нас направили в Новороссийск, в док судоремонтного завода. К моменту постановки «Ельни» в док из Одессы в Новороссийск прилетел некто Балецкий, кандидат технических наук, работавший то ли технологом на Одесском судоремонтном заводе, то ли преподавателем какого-то института. Этот товарищ разработал теорию в целях экономии металла посадки судовых винтов на гребной вал без шпонки, на горячую. Гребной вал нагревался, на него насаживали винт, и при остывании и гребной вал, и винт становились одним целым.

Эту свою теорию прилетевший к нам в Новороссийск кандидат технических наук решил осуществить на практике. И вот в доке судоремонтного завода нам посадили на гребной вал стальной винт на горячую,

без шпонки. После дока, погрузив в Туапсе 12 тысяч тонн дизельного топлива, мы снялись в рейс на заполярный порт Тикси.

В Мурманск пришли в канун Нового, не помню уже какого, года. Стояли несколько дней в ожидании формирования каравана, который должен был пойти за атомным ледоколом «Ленин» во льды Арктики.

В Мурманске наши ребята купили красивую елку, нарядили ее самодельными игрушками. А электрики украсили елку разноцветными мигающими лампочками. Повариха с помощью двух матросов целыми днями колдовала на камбузе, так что к встрече Нового года все у нас было готово.

Наконец, мы снялись в рейс и вошли в арктические льды в караване судов под проводкой ледокола. Идти во льдах было не очень приятным ощущением. Стоя на вахте в машинном отделении, я слышал, как за бортом нашего танкера не просто шуршал, а бился о нас лед. И казалось, вот-вот какая-нибудь льдина проломит борт и ввалится в машинное отделение. Но все было хорошо, и мы медленно продвигались за ледоколом к порту Тикси.

На Севере была уже глубокая полярная ночь. И впервые в жизни я видел северное сияние,

которое всеми цветами радуги переливалось высоко в небе над нашими мачтами.

Моя ночная вахта была с нуля часов до четырех утра. И вот в одну из таких вахт ровный гул двух работавших главных двигателей вдруг прервался оглушительным звоном. Все вокруг стало страшно вибрировать. И я понял, что оба двигателя идут вразнос. А это означало, что винт сполз с гребного вала и двигателя, потеряв нагрузку, от сумасшедшей вибрации могли вот-вот развалиться. Неимоверным усилием мне удалось остановить оба двигателя. В машинном отделении сразу наступила тишина. Только слышно было, как за бортом трутся о нас льдины.

В машинное отделение прибежали старший механик и капитан. Я им рассказал, как было дело. И капитан помчался наверх сообщить на ледокол о случившемся. Караван ушел вперед, а мы остались стоять среди льдов под темным небом полярной ночи, расцвеченным северным сиянием.

Попав в эту предновогоднюю ситуацию, я вдруг вспомнил, как в начале 30-х годов прошлого века где-то в этих широтах был раздавлен льдами и затонул ледокольный пароход «Челюскин». Пароход следовал

из Мурманска во Владивосток с научной экспедицией, которую возглавлял известный в те времена академик Отто Юльевич Шмидт. А капитаном «Челюскина» был известный ледовый капитан В. Воронин, который после окончания Второй мировой войны привел в Одессу захваченную у поверженной фашистской Германии китобойную флотилию, получившую позже название «Слава».

«Челюскинцы» при гибели парохода успели высадиться на льдину, с которой их самолетами вывозили на большую землю. Неужели и нашу «Ельню», зажатую льдами, ждала такая же участь?

Вскоре капитан сообщил экипажу, что, связавшись с атомным ледоколом «Ленин», он узнал: к нам возвращается ледокол. И действительно, шумно раздвигая широким корпусом зажавший нас лед, подошел ледокол. В образовавшуюся полынью был спущен водолаз. Он установил, что винт мы не потеряли, он только слез с гребного вала. И для того, чтобы его удержать, нужно завести тросы и укрепить их на кормовых шпилях.

Наши матросы так и сделали. «Ленин», погудев на прощание, ушел, и оттуда сказали, что через день, максимум через два, к нам

подойдет мощный дизельный ледокол «Киев», который возьмет нас на буксир и отведет на ремонт в Мурманск.

Вот в такой обстановке мы подошли к встрече Нового года.

В кают-компании был накрыт праздничный стол. Елка наша сияла разноцветными лампочками. Бочман, наряженный Дедом Морозом, раздавал какие-то примитивные подарки. Ему помогала Снегурочка — буфетчица Маша. И вот ровно в ноль часов с наступлением Нового года, когда за праздничным столом захлопали пробки от бутылок шампанского, и все стали поздравлять друг друга, вбежавший с палубы в кают-компанию вахтенный матрос закричал: «Медведи!»

Все выбежали на палубу. В темноте полярной ночи мы увидели на льдине у нашего борта двух белых медведей. При виде нас медведи начали тянуть к нам морды, как бы прося дать им покусать. Тут же почти все, что было на праздничном столе, полетело на лед, и оба медведя с жадностью накинулись на еду.

Ночь была хоть и морозной, но безветренной. Накинув на себя теплые куртки, мы любовались нашими неожиданными

гостями. А они, поев, с благодарностью на нас посмотрели и медленно, вперевалку, ушли.

Вот такой у меня была встреча Нового года на танкере «Ельня» во льдах Арктики. А еще через день, с громким хрустом разламывая лед, к нам подошел мощный дизельный ледокол «Киев». Взяв нас на буксир, «Киев» повел на ремонт в Мурманск...

ОДЕССИТ — ВЕЗДЕ ОДЕССИТ

Не помню уже, когда в одесском издательстве «Оптимум» вышла моя книга «Порт приписки — Одесса». В этой книге я писал о судах Черноморского пароходства, которые в годы войны между Советским Союзом и гитлеровской Германией вывозили из осажденной фашистами Одессы оборудование заводов, раненых, эвакуированных и доставляли в Одессу оружие, медикаменты, войска, постоянно подвергаясь налетам фашистской авиации и атакам вражеских подводных лодок.

Каждый рейс был поистине героическим. За годы той войны многие суда погибли. Но экипажи боролись за живучесть своего судна с невероятным упорством. Тушили пожары, заделывали пробоины и покидали судно тогда, когда видели, что гибель его неминуема. Особенно тяжело приходилось в минуты гибели судна кочегарам. Если матросы и штурманский состав, находясь на палубах, еще могли вовремя спустить шлюпки и оставить гибнущее судно, то кочегары, стоя у раскаленных пароводных топков, обеспечивая

ход и маневренность судна, не всегда успевали выбежать наверх, и уходили на дно вместе со своим пароходом.

Героически вели себя в осажденной Одессе и жители. Фашистские самолеты бомбили город и днем, и ночью, сбрасывая фугасы и зажигательные бомбы. На крышах домов дежурили женщины, старики и даже дети, чтобы успеть затушить, засыпать песком попавшую на крышу дома зажигательную бомбу. Готовясь к уличным боям за жизнь родного города, одесситы строили на улицах баррикады и устанавливали перед ними противотанковые ежи. А когда немецкие и румынские войска были уже на подступах к городу, в районе Дачи Ковалевского, то одесситы ездили на трамвае к линии фронта, доставляя защитникам города не только еду, но и помогали санитарам перевязывать раненых. А бывали случаи, когда эти женщины брали в руки оружие убитого красноармейца или краснофлотца и стреляли по наступавшим врагам.

Никто не кричал тогда о патриотизме, но он был не на словах, а в героических действиях защитников родного города...

Не так давно мне позвонила читательница «Вечерней Одессы», узнав в редакции мой

телефон, и спросила, где купить мою книгу «Порт приписки — Одесса». При этом она сказала, что была в Германии у своих друзей, уехавших несколько лет назад из Одессы, и видела у них мою книгу, в которой я подробно писал об обороне родного города, получившего за героизм одесситов звание «Город-герой».

В разговоре со мной она добавила, что преподает историю в старших классах средней школы. И в сегодняшних учебниках по истории об обороне Одессы в годы войны говорится как-то вскользь и невнятно.

Я посоветовал этой женщине купить мою книгу в лавке Всемирного клуба одесситов. Но этот разговор порадовал меня тем, что, покидая родной город в поисках лучшей жизни, одессит всегда остается одесситом. И тут мне вспомнились несколько характерных случаев на эту тему.

После 1959 года, когда на Кубе произошла революция, и к власти пришел Фидель Кастро, ставший большим другом Советского Союза, наши суда стали постоянно ходить в эту страну со всевозможными грузами, помогая крепнуть молодой республике. В Гаване открылось представительство Черноморского пароходства. И вот однажды на теплоходе

«Аркадий Гайдар», когда мы пришли в Гавану, капитана и меня, как старшего механика, пригласил в гости представитель нашего пароходства. Фамилии его я не запомнил, но хорошо помню прекрасную виллу, в которой он жил, сменив бывшего хозяина, бежавшего в США кубинского богача, испугавшегося новой власти.

Что меня тогда поразило, это небольшой парк, окружавший виллу. Благодаря новому хозяину-одесситу, он носил название парк имени Шевченко, как и знаменитый одесский парк. А дорожки вокруг виллы носили названия одесских улиц — Дерibasовская, Ланжероновская, Деволановская (эта улица находится в порту, и о ней не знают даже многие одесситы). Вот такая была встреча в Гаване с родной Одессой.

А потом был случай в Риге. Мне пришлось вызволять из милиции нашего моториста Анатолия Бойко, который подрался в ресторане с латышами, оскорбившими, как он мне потом рассказывал, Одессу. Оскорбление состояло в том, что сидевшие с ним в ресторане за соседним столом латыши, узнав, что он одессит, заявили: «А, так ты из города знаменитых жуликов!». И члену

нашего экипажа в отчаянной драке пришлось отстаивать честь родного города.

Несколько лет тому назад я был с женой в Израиле. И как-то, идя по центральной улице Иерусалима, мы услышали вой полицейских сирен. Люди стали куда-то бежать, и мы за ними. И вдруг все остановилось перед заслоном полиции. Часть улицы была огорожена желтой предупредительной лентой. На мостовой лежал какой-то небольшой предмет, возле которого, присев на корточки, что-то делали двое полицейских.

Теракты в Иерусалиме — не редкость. Но это не был теракт. И стоявшие на тротуаре люди с интересом следили за действиями полицейских. Мы с женой стояли у входа в кафе, и когда я смотрел, чем же заняты полицейские, меня кто-то слегка ударил по плечу. И я услышал: «Молодой человек, вы можете немного отодвинуться — я тоже хочу посмотреть». Я обернулся. У входа в кафе на высоком табурете сидел пожилой еврей с седой щетиной на давно небритом лице. В руке он держал металлоискатель, которым, как это принято в Израиле в связи с терактами, он проверял всех входящих в кафе. Такие же проверки ведутся в Израиле

при посещении магазинов, ресторанов и при входе в автобусы. По той интонации, с которой были произнесены слова «молодой человек», я понял, что имею дело с одесситом. И спросил его: «Вы, случайно, не из Одессы?». Он ответил мне, как это принято в Одессе, вопросом на вопрос: «А вы тоже оттудова?». Я рассмеялся: «Ну да!».

«Ой, — сказал мой собеседник, — и где вы там живете?». — «На Черемушках.» А я жил на Молдаванке, — тяжело вздохнул он, — на Степовой. Это же Дерибасовская Молдаванки. Когда-то на Степовой был кинотеатр «Серп и Молот», а я жил рядом. И что вы знаете — этот кинотеатр мне снится по сей день, хотя я знаю, что там уже давно нету ни «серпа», ни «молота».

Я посмотрел внимательно на этого человека — глаза его были влажными, казалось, он вот-вот заплачет. «Будете в Одессе — передайте от меня привет. А фамилия моя — Бершадский», — сказал он.

Попрощавшись, я про себя подумал: «Одессит — везде одессит».

ТРИ ВСТРЕЧИ

Начав в 1941 году войну с Советским Союзом, фашисты, следуя расовой теории Гитлера по уничтожению людей «низшей» расы — евреев, цыган, а потом и славян, стали устраивать на оккупированных советских территориях лагеря и гетто.

Мой родной город Одесса в октябре 1941 года был оккупирован союзником нацистской Германии фашистской Румынией. И вскоре после начала оккупации евреи подверглись страшным гонениям. В районе Слободки румынскими властями было организовано гетто, где в течение зимы 1941–1942 годов от голода, холода и болезней погибло более 5 тысяч человек. Всю зиму из гетто вывозили людей на расстрелы в села Одесской области. И лишь с приездом румынской королевы Елены, матери тогдашнего румынского короля Михая I, массовые расстрелы евреев прекратились. Но все же румыны, следуя теории Гитлера, организовывали в Одесской и Николаевской областях концлагеря.

В своей книге «Возвращение с Голгофы», главы из которой печатались на страницах «Вечерней Одессы», я уже писал и об одесском гетто, доманевском и карловском концлагерях, где, будучи подростком, я провел целых три года. Не хочу повторяться. Но накануне Международного дня памяти жертв Холокоста припомнилась одна история, которую и расскажу.

В концлагере, который был организован румынами возле села Карловка в 150 километрах от Одессы, я был с матерью и сестрой в многолюдном бараке. Вместе с нами в этом бараке, помимо одесситов, находились люди из Бессарабии, Белоруссии, из разных регионов Украины и даже из Архангельска. В начале лета 1941 года, приехав в Одессу к родственникам — позагорать на пляжах, искупаться в Черном море, вернуться домой они уже не смогли. Началась война. А когда пришли румыны, их, как евреев, загнали в гетто, а потом в концлагеря.

Вместе с нами в этом бараке жила женщина по имени Гита, фамилию не помню. Родилась и выросла она в небольшом украинском местечке, где испокон веков вместе жили украинцы и евреи. Гита работала в колхозе

дояркой. На работе разговаривала по-украински, а дома с мужем и единственным сыном — на идише. Русским владела слабо. И, находясь в концентрационном бараке, с нами, одесситами, разговаривала по-украински. А с евреями из Бессарабии — на идише.

Муж Гиты с первых дней войны ушел на фронт. А когда пришли оккупанты, и всех евреев местечка стали угонять в концлагеря, ее десятилетнего сына, которого по-еврейски звали Берл, а по-русски — Боря, забрала к себе соседка, украинка, сказав Гите, что во что бы то ни стало сохранит ребенку жизнь.

И вот зимой 1943 года в сильную метель, когда наш барак до самой крыши был занесен снегом, как-то вечером, когда обитатели барака в своих лохмотьях теснились у небольшой глиняной печурки, стараясь хоть как-то обогреться, дверь барака с тяжелым скрипом отворилась — и на пороге появился мальчик лет двенадцати, весь запорошенный снегом.

Разглядев в полумраке барака Гиту, кинулся к ней с криком: «Моме, моме, ду бист ниht гешторбен!» («Мама, мама, так ты не умерла!»). Гита схватила мальчика и затряслась от рыданий. Это был ее сын Берл,

который не смог пережить разлуку с мамой. Уйдя от спасшей его украинской женщины, пройдя огромное расстояние по захваченной оккупантами территории, обходя немецкие и румынские патрули, питаясь подаяниями, которые он выпрашивал в селах, где на него иногда спускали собак, ночуя неизвестно где и как, мальчик все-таки добрался до карловского концлагеря и нашел свою мать.

Он пробыл с нами в этом бараке до самого освобождения. А произошло это 28 марта 1944 года, когда нас освободили советские войска.

С того дня наши пути разошлись. Я с матерью и сестрой вернулся в Одессу. А Берл с Гитой ушли своей дорогой.

Прошло много лет. Я уже плавал механиком на судах заграничного плавания. И вот однажды в отпуске, идя по летней, залитой солнцем Дерibasовской, в многолюдной толпе я вдруг увидел недалеко от «Пассажа» идущего мне навстречу высокого, статного, широкоплечего военно-морского офицера в парадной форме с лейтенантскими погонами. Он вел под руку красивую черноглазую девушку. И в этом блестящем военно-морском офицере я узнал Берла (Бориса).

Первое желание было подбежать и крикнуть: «Берл!». Обнять и вспомнить прошлое. Но тут же я подумал, что в присутствии его красивой спутницы напоминание о прошлом может быть ему не совсем приятным. В те годы, по разным причинам, многие скрывали свое концлагерное прошлое, особенно при поступлении на работу или в учебные заведения — при заполнении всевозможных анкет. Поэтому я, сдержав себя, к нему не подошел.

Вот такой была у меня вторая встреча с мальчиком из концентрационного барака.

Прошло еще много лет. Началась горбачевская перестройка. И когда появилась возможность создавать всевозможные общественные организации, я со своим другом Леонидом Сушоном, с которым я познакомился еще в одесском гетто, решил создать Ассоциацию бывших узников нацистских концлагерей и гетто.

Первоочередной задачей нашей Ассоциации была защита прав бывших узников гетто и концлагерей, а также увековечение памяти погибших. Забегая вперед, скажу, что с помощью одесских скульпторов и художников мы установили памятный знак в

селе Богдановка, где оккупанты уничтожили свыше 50 тысяч евреев. Такие же памятные знаки были установлены в местах массовых расстрелов в селах Мостовое, Виноградово, Акменчетка. Такой же знак был установлен в Одессе, на Люстдорфской дороге, где находились пороховые склады, в которых румыны сожгли 25 тысяч человек.

Нами были установлены мемориальные доски на проходной экипажа Одесского высшего мореходного училища, где находилось гетто, и станции Одесса-Сортировочная, откуда людей из гетто вывозили в грязных товарных вагонах в Березовку, а оттуда уже гнали к местам расстрелов и в концлагеря.

С нами вместе сразу стали работать бывшие узники Михаил Заславский (его мать и брат были сожжены в одесских пороховых складах), Моисей Ойстерман и Роман Шварцман (нынешний председатель Ассоциации). Городские власти выделили нам помещение на Малой Арнаутской. И вскоре мы установили добрые отношения со многими благотворительными организациями: «Небайдужі люди», американской организацией «Джойнт», через открывшееся в Одессе немецкое представительство — с немецкими благотвори-

тельными организациями, которые начали присылать нам продовольственные посылки и всевозможную одежду.

Большую помощь нам оказывал главный раввин юга Украины Авраам Вольф.

О приеме бывших узников в нашу Ассоциацию мы дали объявление в газеты, на телевидение. И к нам хлынули люди.

Но по каким критериям надо было вести прием? Ведь попадались, к сожалению, и самозванцы. Когда фашисты загоняли людей в концлагеря или гнали к расстрельным ямам — никто никаких справок не выдавал.

Посоветовавшись с юристами, решили, что для приема в члены Ассоциации необходимо иметь постановление суда о том, что ты находился в концлагере или гетто. Для суда нужны были свидетели. А ими могли быть соседи, на глазах которых оккупанты угоняли человека в концлагерь или гетто, или те, кто были вместе с ними в гетто или концлагерях.

И вот однажды среди многих посетителей я вдруг увидел старого знакомого — Берла. Он был в штатском костюме. Весь вид его выражал какую-то растерянность и неуверенность.

Леонид Сушон вел прием. Сидел рядом. И когда подошла очередь Берла, на которого

я смотрел, узнавая и не узнавая его, Сушон, выслушав его рассказ о пребывании в карловском концлагере, спросил: «У вас есть свидетели?».

Берл растерянно пожал плечами. И тут я крикнул: «Есть свидетель, это я!».

Он удивленно посмотрел на меня: «Откуда вы меня знаете?». «Откуда? «Моме, моме, ду бист ниht гешторбен!».

При этих словах он закрыл руками лицо и зарыдал. Потом мы долго сидели в каком-то кафе. Он мне рассказывал о своей жизни.

В Ленинграде Берл окончил военно-морское училище. Служил на атомных подводных лодках на Севере. Дослужился до звания капитан-лейтенанта. Но, получив дозу радиации, стал болеть, демобилизовался. Поселился в Одессе с женой и сыном. Жена преподает английский язык в школе, а он живет на военную пенсию.

Такой была наша третья встреча.

Прошло еще несколько лет. По приглашению друзей я был в Иерусалиме. И в первый день приезда в этот святой город пошел в музей еврейской катастрофы «Яд ва-Шем». Переходя из зала в зал, знакомясь со страшными немецкими документами,

которые лишали евреев всех человеческих прав, видя страшные фотографии всех тех чудовищных злодеяний, которые творили фашисты в оккупированных странах, я дошел до огромного зала, называвшегося «детской комнатой».

Вошел. В огромном зале было темно. Но постепенно он стал освещаться слабым светом. И на высоком потолке начали появляться фотографии детей. Их было много. Очень много. И начали слышаться голоса: «Я — Миша Кацман. Расстрелян в Бабьем Яру с мамой и бабушкой», «Я — Майя Винницкая. Расстреляна в минском гетто», «Я — Саша Кульчицкий. Задушен вместе с мамой в газовой камере в Освенциме».

И еще, еще голоса еврейских детей на французском, голландском, польском языках из всех оккупированных немецкими фашистами европейских стран, где эти дети были замучены: в Освенциме, Майданеке, Бухенвальде и в других лагерях смерти.

Выйдя из этой «детской комнаты», я присел на какой-то камень — хотел закурить. Но руки у меня так дрожали, что я не смог достать сигарету. Ведь в перечне этих имен могли быть и Леня Сушон, и Берл, и я...

Немного успокоившись, я закурил и вспомнил чешского журналиста Юлиуса Фучика, замученного немецкими фашистами в пражской тюрьме. До момента казни он успел написать книгу «Репортаж с петлей на шее». Книга заканчивалась словами: «Люди, я любил вас! Будьте бдительны!».

Да, подумал я, чешский журналист был прав. Люди, будьте бдительны! Иначе все повторится вновь...

КАК МНЕ ВЕРНУЛИ ПОТЕРЯННУЮ ВИЗУ

Часто звонят мои читатели — благодарят за публикуемые в «Вечерней Одессе» статьи о Черноморском морском пароходстве, в которых я рассказываю о знаменитых капитанах, о прекрасных людях, с которыми довелось работать на разных судах, и о том огромном авторитете, каким ЧМП пользовалось во всем мире. И было гордостью нашей Одессы.

К сожалению, от бывшего экономического могущества пароходства сейчас остались только воспоминания...

Что же касается моих статей, то один из читателей недавно меня спросил: «Вы как-то писали, что купили за границей запрещенный в Советском Союзе в годы правления Никиты Хрущева роман Б. Пастернака «Доктор Живаго». Об этом узнали в КГБ — и вы были лишены права на заграничные поездки. В наказание за этот поступок несколько лет работали в каботаже на пассажирском теплоходе «Украина», ходившем по Крымско-Кавказской линии. Из других ваших статей я понял, что

позже вы снова стали плавать за границу. Как же вам вернули потерянную визу?».

А вернули мне ее так, но вначале несколько слов о романе «Доктор Живаго».

В своем произведении Борис Пастернак рассказал о русском интеллигенте докторе Живаго, который в 1917 году не понял и не принял большевистский переворот, названный Великой октябрьской социалистической революцией. В публикации романа отказали все советские журналы. И тогда Б. Пастернак передал свою книгу иностранным издателям. «Доктор Живаго» был не только издан за границей, но и переведен на все европейские языки. Автор стал лауреатом Нобелевской премии по литературе.

В СССР в связи с этим разразился страшный скандал. Газеты, радио, телевидение клеймили Пастернака как изменника Родины, требуя лишить его советского гражданства и выслать за границу. Бориса Леонидовича вызвали в Прокуратуру СССР и Генеральный прокурор Роман Руденко, который был главным обвинителем на Нюрнбергском процессе, потребовал от автора романа отказаться от Нобелевской премии, что Пастернак впоследствии и сделал. А вскоре затравленный писатель умер.

Вот такую запрещенную книгу на русском языке я купил в Италии. Прочитав, выбросил в море. Но КГБ, имея в каждом экипаже советского судна своих агентов, о моей покупке узнал — за что я и был наказан.

Когда я начал работать на «Украине», которая заходила во все порты Крыма и Кавказа, меня сразу удивило то обстоятельство, что о минувшей войне между фашистской Германией и Советским Союзом при подходе к портам, где гремели страшные бои, пассажирам не говорилось ни слова.

В 1949 году я плывал мотористом на пассажирском теплоходе «Львов». И перед приходом в Одессу, Севастополь, Новороссийск по судовому радио обязательно рассказывалось о героической обороне этих городов в годы войны. Но вот прошли годы, и о тех героических событиях — уже ни слова. А ведь выросло новое поколение, для которого память о той войне должна была оставаться священной.

Обо всем этом я написал в газету «Известия» — одну из самых авторитетных газет Советского Союза, тираж которой составлял 11 миллионов экземпляров. Статью напечатали. Она называлась «О чем помнит море». Вскоре меня вызвали в партийный комитет пароходства.

Тут я должен сказать, что накануне вызова узнал, что «Украина» должна идти на ремонт в Болгарию. И так как я был лишен визы, то был уверен, что перед уходом судна меня спишут на берег.

В советское время критическое выступление любой газеты влекло за собой серьезные последствия для тех, кого критиковали. А по критической статье в такой газете, как «Известия», последствия могли быть особые.

В своей статье я критиковал руководство пароходства за беспамятство по отношению к минувшей войне. Поэтому вызова в партком я, честно говоря, испугался.

Принял меня секретарь парткома Евгений Иванович Стеценко. Всем своим доброжелательным видом, приветливой улыбкой он сразу прогнал все мои страхи. Поблагодарив за статью, он сказал: «Раз вы подняли эту очень важную тему — вам и карты в руки. Мы дадим вам мандат, который откроет двери во все архивы. А когда напишете очерки об обороне Одессы, Севастополя и Новороссийска — их запишут в студии звукозаписи пароходства и будут читать на всех судах, как это было в послевоенные годы».

Обрадовавшись такому предложению, я тут же вспомнил, что «Украина» вот-вот должна уйти на ремонт в Болгарию. И у меня не будет возможности побывать ни в Севастополе, ни в Новороссийске, чтобы собрать материал для этой работы. Я сказал Евгению Ивановичу, что визы у меня нет, объяснив, по какой причине, и что мне придется остаться на берегу, когда «Украина» пойдет в Болгарию. И кроме, как об обороне Одессы, я ничего написать не смогу. В ответ Стеценко засмеялся: «Пусть это вас не волнует. Я позвоню куда надо, и в Болгарию вы пойдете. Остальное — за вами».

Все было так, как сказал секретарь парткома. До прихода «Украины» в Болгарию мы сделали несколько рейсов по Крымско-Кавказской линии. И я успел собрать необходимый материал. Но основные сведения о тех героических событиях черпал в одесских библиотеках.

Придя на ремонт в Болгарию, где мы простояли три месяца, я написал, работая по вечерам, три очерка. По возвращении в Одессу отнес их в студию звукозаписи пароходства, которая находилась на Приморском бульваре во Дворце моряков. Директор студии Владислав Ковальский сказал, что

он договорился с народными артистами Украины Иваном Карповичем Колисниченко и Тамарой Кирилловной Дмитренко, что они будут читать мои очерки с музыкальным сопровождением.

И вот в скором времени свежепокрашенная и словно помолодевшая «Украина» вышла на свою постоянную Крымско-Кавказскую линию, и я услышал перед приходом в очередной порт свои очерки. Потом выяснилось, что звучали они на всех пассажирских судах, работавших на этой линии.

Директор студии звукозаписи познакомил меня с артистами, мы крепко подружились. Благодаря этому появилась возможность бывать на всех премьерах Одесского русского драматического театра имени Иванова, где Иван Карпович и Тамара Кирилловна работали.

А что касается вопроса моего читателя в начале этой статьи, то, когда «Украина» стала готовиться к заграничному рейсу в Южную Атлантику для смены экипажей рыболовных судов, меня вызвал капитан Илья Яковлевич Лукьяненко и сказал, чтобы я не волновался — в рейс пойду.

Вот так мне вернули потерянную визу.

В ТРЕТИЙ РАЗ...

Первую баррикаду в своей жизни я увидел, когда мне было одиннадцать лет. Шла война... После нападения фашистской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года Одесса, с приближением вражеских войск, готовилась к уличным боям.

7 августа 1941 года город был объявлен на осадном положении. Баррикады были возведены по всему городу. Но первая появилась возле Оперного театра. Ну, а после того, как советские войска, после прорыва немцев к Крыму, оставили Одессу 16 октября 1941 года, в город вошли фашистские оккупанты. Начались погромы, мародерство. И рядом с неразобранными еще баррикадами я увидел повешенных.

Все, что мне, одиннадцатилетнему мальчику, пришлось пережить — одесское гетто, организованное фашистами на Слободке, нацистский концлагерь, смерть родных и близких мне людей, — все это я описал впоследствии в своих книгах, предварительно

публикуя материалы на страницах родной мне газеты «Вечерняя Одесса».

Закончилась та трагическая война. И вдруг в конце 50-х годов прошлого века, проходя мимо Оперного театра, я снова увидел баррикаду и установленные перед ней противотанковые «ежи». Недалеко от баррикады толпился народ, раздавались свистки милиционеров, отгонявших людей. От стоявшей рядом со мной женщины я узнал, что это снимается кино.

Фильм назывался «Жажда», по сценарию известного советского поэта Григория Поженяна, который в дни обороны Одессы был разведчиком в морской пехоте. Вместе со своими друзьями-разведчиками он отбил у немцев захваченную ими Беляевку, откуда Одесса питалась пресной водой. А пока Беляевка была в руках фашистов, обезвоженный город страдал от жажды. У дворовых колодцев днем и ночью стояли длинные очереди с ведрами, чайниками, кастрюлями. Воду в те дни обороны Одессы выдавали по талонам. Вот об этом снимался фильм.

Прошли годы. Казалось, та война и героическая оборона Одессы остались только

в памяти. Но снова, уже в третий раз, я вижу возле Оперного театра баррикады и противотанковые «ежи».

Напавший на Украину 24 февраля 2022 года обезумевший российский диктатор путин заявил, что он спасет украинский народ от нацистов. Это «спасение» началось с ожесточенных бомбардировок Киева, Харькова, Мариуполя, Чернигова и других городов Украины, унося тысячи жизней ни в чем неповинных людей и, особенно, детей, которые никак не могут быть теми самими нацистами, о которых заявлял и заявляет путин.

В любой войне народ, ставший на защиту своей Родины, победить нельзя. Можно убить сотни тысяч человек, но народ истребить нельзя, как нельзя истребить саму жизнь. Слава украинскому народу, который встал на защиту своей Родины! Слава Украине!

РЕСТОРАН «КАПИТАНСКИЙ МОСТИК»

Из предыдущих моих статей, которые публикует «Вечерняя Одесса», читатели знают, что я несколько лет жил в Германии.

После пережитых в детском возрасте ужасов фашистской оккупации — еврейского гетто и нацистского концлагеря — я, попав в Германию, пытался понять, как великая немецкая нация, давшая миру гениев: в науке — Эйнштейна, в литературе — Гете и Гейне, в музыке — Бетховена и Баха, в технике — Рудольфа Дизеля, в философии — Канта и Гегеля, за 12 лет фашистского режима Гитлера стала нацией мародеров и убийц. В беседах со многими немцами, особенно с пожилыми, помнившими фашистский режим, я понял одно — сознанием людей легко манипулировать.

Германия потерпела поражение в Первой мировой войне, после чего на нее обрушилась экономическая катастрофа — страшная инфляция, тотальная безработица. Всем этим воспользовался демагог и авантюрист

Гитлер, который пообещал немцам не только возродить великую нордическую расу, но и стать правителями мира.

Обо всем этом я написал книгу «Немецкий дневник», которая была издана одесским издательством «Оптимум» и получила широкую прессу.

После презентации книги во Всемирном клубе одесситов в присутствии журналистов и сотрудников телевидения меня начали приглашать на уроки истории в школы и брать телевизионные интервью. Я понял, что тема, поднятая мной в «Немецком дневнике», волнует многих и многих людей.

Живя в Германии, в старинном городе Вормс, я узнал, что в Берлине есть филиал Всемирного клуба одесситов. Я был приглашен на одно из заседаний. Там я встретил знакомых: школьную подругу Нелю Харченко, ставшую в советское время знаменитой одесской телеведущей. Она стояла у истоков телевидения в нашем городе и первые передачи, до постройки на 3-й станции Большого Фонтана телецентра, вела из одесской кирхи, которая в первые послевоенные годы была самым высоким зданием в городе.

Встретил капитана черноморского парохода «Мытищи» Николая Федорова. С ним учился в мореходной школе. В Германию Николай Федоров, будучи женатым на еврейке, попал по так называемой «еврейской линии».

После развала Советского Союза канцлер Германии Гельмут Коль во искупление исторической вины его государства перед еврейским народом провел в Бундестаге закон, по которому евреи Советского Союза могли переезжать в Германию и пользоваться всеми правами немецких граждан. Так капитан Николай Федоров после развала Черноморского пароходства, благодаря своей жене, попал в Берлин.

Было еще несколько трогательных встреч. Но речь в этой статье о другом.

На заседании клуба мне задали вопрос: «Знаю ли я в Одессе места, неизвестные широкой одесской публике?». Подумав, я ответил: «Знаю — мало кому известный в советское время ресторан «Капитанский мостик».

Этот ресторан располагался в неказистом двухэтажном здании рядом с проходной порта. Но не центральной, что на Таможенной площади, а той, что вела на старую Крымскую

пристань, где швартовались пассажирские суда.

У ресторана была открытая терраса, на которой стояли столики под клетчатыми скатертями, придавленными массивными пепельницами, чтобы их не сдувал ветер с моря. С этой террасы, покрытой летом огромным тентом, открывался вид на порт и на Воронцовский маяк. Ресторан посещали в основном портовики и моряки судов, стоявших у причалов порта. Официально ресторан назывался то ли «Посейдон», то ли «Нептун», но носил негласное название «Капитанский мостик».

У лестницы, ведущей на второй этаж в ресторан, всегда сидели женщины, продававшие раков и цветы.

С шести часов вечера в ресторане начинал играть небольшой оркестр — аккордеон, скрипка и барабан. По вечерам ресторан всегда был полон.

И я, посещая ресторан с друзьями, не раз бывал свидетелем интересных сцен. Так, однажды за соседним столиком сидел пожилой мужчина в потертом офицерском кителе без погон. Он заказал графинчик водки и незатейливую закуску. Оркестр уже играл, публика танцевала. Подозвав официантку,

наш сосед дал ей несколько рублей и попросил передать музыкантам, чтобы те сыграли песню «Нас оставалось только трое из восемнадцати ребят». Оркестр заиграл, пары начали подниматься, чтобы потанцевать. И тут наш сосед вскочил и крикнул: «Стоп! Под эту песню не танцуют!». В руке у него был стакан с водкой, который он выпил залпом. Я понял, что это фронтовик поминает своих погибших товарищей.

Запомнилась официантка Шураня. Лет ей было под пятьдесят. Но она не только ловко и быстро обслуживала посетителей, но и умела разговаривать с расхोдившимися пьяницами, ласково уговаривая их идти домой. А если те сопротивлялись, да еще пытались скандалить, то просто спускала их с лестницы.

Часто приходили болгарские моряки с парохода «Георгий Димитров», который обслуживал линию Одесса — Варна. Болгары заказывали оркестру свои песни и, сидя за круглым столом, обняв друг друга за плечи, подпевали оркестру, раскачиваясь в такт музыки.

Заглядывали греки. И, подвыпив, приглашали сидевших в ресторане посетителей в круг танцевать свое знаменитое «сиртаки».

Но главным событием, которое произошло в ресторане «Капитанский мостик», стала драка между израильскими и немецкими моряками.

Это была даже не драка. А месть многострадального еврейского народа своим учителям и палачам — немцам.

До Шестидневной войны 1967 года, когда небольшой Израиль за 6 дней разгромил огромную египетскую армию, вооруженную до зубов Советским Союзом, после чего СССР прервал с Израилем дипломатические отношения, в Одессу часто приходили израильские суда с грузом цитрусовых.

В тот день, когда в Одессе стояло одно из израильских судов, в порт пришло и западногерманское судно. Вот тогда я и увидел драку.

...Шураня металась между дерущимися, пытаясь их утихомирить, но все было напрасно. Грохотали и летали стулья, переворачивались столы, посетители жались к стенам, боясь попасть под удары дерущихся.

Драку остановил появившийся в ресторане капитан немецкого судна. Он закричал: «Хальт! Хальт!». То есть стойте, стойте! И стал хватать за руки и растаскивать дерущихся.

Потом он крикнул Шуране: «Бир фюр алес! Пиво всем!». Шураня, не один год работавшая с иностранными моряками и понимавшая многие языки, быстро выставила перед тяжело дышавшими израильскими и немецкими моряками кружки с пивом.

Потом они ушли.

Посидев еще немного, я тоже вышел из ресторана и увидел стоявшие у ближнего причала два ошвартованных кормами друг к другу судна — израильское и немецкое. Их флаги, склонившись друг к другу, тихо шелестели на слабом ветру.

Вот что я увидел после той драки...

ДЕТИ ВОЙНЫ

Накануне 10 апреля — даты освобождения Одессы от фашистских оккупантов — я, старый одессит, чье детство совпало со страшными годами Второй мировой войны, переживший фашистскую оккупацию родного города, начал писать статью. Но тут подумал — в Украину пришла новая война. С новыми оккупантами. Война, от которой, в первую очередь, страдают дети. Моя статья — о детях войны.

Впервые я увидел их в кино. Мне было семь лет. В Испании шла гражданская война, и во всех одесских кинотеатрах перед началом сеансов показывали хронику «События в Испании». Вот тогда я увидел испуганных, голодных, несчастных, оставшихся без родителей детей войны. Советское правительство, помогавшее республиканцам в Испании продовольствием, оружием, медикаментами, разрешило доставить в Советский Союз испанских сирот. В наш город их привезли на двух пароходах капитаны Эрнандес и Мантилья. За это

генерал Франко приговорил их заочно к смертной казни. Капитанам не оставалось ничего другого, как попросить политическое убежище. Так они стали одесситами.

Привезенных ими детей разместили в одесских пионерских лагерях, куда мы, школьники, приходили знакомиться с новыми друзьями. Приносили игрушки и всевозможные вкусности, которые пекли для них наши мамы.

У меня было счастливое детство. Каждый день я бегал в бывший дворец графа Воронцова, где посещал три кружка — шахматный, драматический и литературный. А вечерами просиживал в читальном зале над приключенческими романами Жюль Верна, Джека Лондона, Роберта Стивенсона, Фенимора Купера. Эти книги о мужественных и благородных героях, дальних морях, горах и прериях зародили во мне мечту стать моряком.

Но война пришла и к нам. 22 июня 1941 года с нападением фашистской Германии нас, детей, постигла участь детей Испании. Все, что я видел в кино, все это пришло к нам. Воздушные тревоги, бомбежки, пожары, развалины разбомбленных домов и постоянный запах гари — запах войны.

Однажды мама привела к нам мальчонку лет шести. Звали его Коля. Его отец ушел на фронт, а мать погибла под развалинами их дома, в который попала бомба. Колю спасло то, что он, невзирая на объявленную воздушную тревогу, бегал по улице и собирал осколки зенитных снарядов для коллекции. У Коли была мечта: пойти на фронт и отомстить за погибшую мать. Когда накануне ухода из Одессы наших войск к нам во двор зашли человек пять красноармейцев попить воды, Коля пошел за ними, и больше мы его не видели. А потом началась фашистская оккупация.

О том, что пришлось пережить в те страшные годы, я писал в своих книгах и статьях, опубликованных в «Вечерней Одессе», не буду повторяться.

После окончания Второй мировой войны я думал, что подобное никогда не повторится. Моя мечта сбылась — я стал моряком. Но я снова увидел разрушенные бомбами дома и несчастных голодных детей. Это был Вьетнам.

Война во Вьетнаме длилась 10 лет — с 1965-го по 1975 год. Коммунистический Северный Вьетнам воевал с капиталистическим Южным Вьетнамом. Коммунистам помогал

Советский Союз, капиталистам — США. И все годы этой войны суда Черноморского пароходства с оружием, продовольствием, медикаментами ходили в единственный порт Северного Вьетнама — Хайфон.

Приходя в этот порт на теплоходе «Аркадий Гайдар», я снова слышал знакомые по 1941 году звуки сирен воздушной тревоги и ужасающий свист бомб. Порт не бомбили, там стояли наши суда, но город после этих бомбежек был похож на Одессу 1941-го. Там я снова увидел детей войны — голодных, испуганных, просящих у наших моряков милостыню. Некоторые из них были на костылях.

В ноябре 1962 года, с началом Карибского кризиса, когда на Кубу по приказу Никиты Хрущева были завезены ракеты с ядерными боеголовками, направленными на США, и мир стоял на пороге ядерной войны, появилась песня, сразу ставшая популярной. Ее пели в детских садах, школах, во время любого застолья. Почти каждый день эта песня звучала по радио в исполнении известной тогда певицы Тамары Миансаровой. Помните, «Солнечный круг — небо вокруг»...

Классик мировой литературы когда-то написал о том, что счастье всего мира не стоит

одной слезы на щеке невинного ребенка. Что сказал бы сегодня великий русский писатель, видя, как российские солдаты убивают украинских детей?! Фотографии из растерзанной и окровавленной Бучи облетели весь мир, став приговором русскому фашизму, из-за которого в XXI веке опять есть дети войны.

...А упомянутая песня актуальна и сегодня. Да! Пусть всегда будут мамы, мальчишки и девчонки, не знающие ужасов войны.

НАРОД БЕССМЕРТЕН

В Украине война. Жестокая. Безжалостная. Безжалостная к женщинам, старикам, детям. Безжалостная к украинским городам, еще недавно красивым, цветущим, а сегодня разрушаемым авианалетами, ракетными ударами и артиллерией, которая бьет прямой наводкой не только по военным объектам, но и по жилым кварталам.

Разрушен Мариуполь. Разрушен Харьков. Разрушен Чернигов. Под постоянным обстрелом Николаев, Киев и другие города.

Перегородив улицы баррикадами с противотанковыми ежами, заминировав свои пляжи на случай высадки морского десанта, под вой воздушных тревог — в ожидании Одесса.

Одесса, которая уже пережила страшную войну с 1941-го по 1944 год.

16 октября 1941 года в наш город вошли румынские и немецкие войска. Гитлер подарил своему союзнику, правителю Румынии, маршалу Антонеску территорию от Днестра до Буга, которую румыны называли Транснистрией. А столицей этой Транснистрии

стала Одесса. Губернатором был назначен румынский профессор Алексяну, а городским головой — привезенный из Бухареста авантюрист Герман Пынтя. За подписью этих двух «правителей» нашего города один за другим стали появляться античеловечные приказы. Евреи Одессы были объявлены вне закона. Их можно было вешать, расстреливать, сжигать живьем, что и случилось 25 октября 1941 года на Люстдорфской дороге, где в пороховых складах сожгли 25 тысяч человек. Улицы города были переименованы в громкие имена новых хозяев Европы: Пушкинская стала А. Гитлера, Преображенская — маршала Антонеску, Еврейская, которая при советской власти называлась Бебеля, стала Бенито Муссолини. Повальные грабежи, облавы, расстрелы несогласных с новым режимом стали нормой. Жадность новых хозяев нашего города не знала границ. Из Одессы вывозилось все: из консерватории — все пианино и рояли, из Художественного музея — картины Репина, Куинджи, Айвазовского. Мародерство дошло до того, что были вывезены даже трамвайные рельсы.

Теперь в нашу страну пришла новая война. С теми же расстрелами ни в чем не повинных

людей, с издевательствами, пытками и мародерством.

Еще совсем недавно российский диктатор путин, развязавший эту страшную и непонятную войну, заявлял о братском украинском народе, объявляя на весь мир, что он не собирается нападать на Украину. Но 24 февраля в 4 часа 30 минут, в то же самое время, в какое и Гитлер нарушил границы СССР, в эти же самые утренние часы начал вторжение в нашу страну и путин.

Многонациональная Украина с началом войны стала единым народом. Путин, рассчитывая за несколько дней покорить и поставить на колени украинцев, просчитался. Против несправедливой войны в поддержку Украины объединились все цивилизованные страны, приветствуя героическое сопротивление украинцев российским захватчикам.

Когда я узнал о потоплении украинскими ракетами флагмана Черноморского флота России крейсера «Москва», то подумал: это событие прозвучало звонкой пощечиной путину, напавшему на мирную, никому не угрожающую нашу страну.

Народ, вставший грудью на защиту своей Родины, — бессмертен. Как бессмертен мир, над которым каждый день восходит солнце!

ОДЕССА. ВОЕННАЯ ВЕСНА

Хмурой, холодной, настороженной пришла в наш город весна. Война... Несколько теплых дней сменились дождями с резким пронзительным ветром, сбивавшим с ног прохожих. Но все равно, словно отряхнувшись от объятий зимы, деревья зазеленели, и с каждым днем все громче и громче становились слышны голоса прилетевших с юга птиц.

Впервые 10 апреля, в день освобождения Одессы от немецко-фашистских оккупантов, город был пуст. Горожане не возлагали цветы ни к стеле «Крылья Победы» на площади 10 Апреля, ни к памятнику Неизвестному матросу в парке имени Т. Г. Шевченко. И море за этим памятником, всегда оживленное, расцвеченное флагами спешащих в порт иностранных судов, белеющее парусами многочисленных яхт, тоже было пустым и грустным, как будто бушевал жестокий шторм, утопивший все эти суда и яхты.

Но через несколько дней, 14 апреля, мир узнал о том, что в этом море, недалеко от Одессы, украинскими ракетами потоплен

флагман Черноморского военно-морского флота России ракетный крейсер «Москва». И что удивительно — Россия, обрушившись на нашу страну жестокой войной, постоянно скрывала правду о причинах гибели крейсера. Так, например, в первый день гибели этого корабля пресс-секретарь Минобороны России генерал-майор Коношенков заявил, что крейсер в штормовом море потерпел аварию, но экипаж эвакуирован.

Крейсер был потоплен в штормовую ночь. И я, как моряк, проплававший не один десяток лет на судах Черноморского морского пароходства, побывавший в трех кругосветных плаваниях, хорошо знаю, как невозможно ночью в шторм снять с гибнущего корабля 500 человек, которые составляли экипаж крейсера. Так что заявление генерал-майора было ложью. От попадания ракет крейсер горел, к тому же взорвался боекомплект. Но почему-то сказать правду российские пропагандисты не решались. Было заявлено, что на крейсере были какие-то неполадки, что и привело его к гибели.

Но на любом судне перед выходом в море проверяется работа всех механизмов для обеспечения безопасного плавания. А тем более —

на военном корабле. Версии были до смешного жалкими и неправдоподобными. То пропагандисты Соловьев и Скабеева говорили, что пожар случился от брошенного на палубу окурка, но палуба на крейсере стальная! Даже в случае пожара немедленно должна была сработать противопожарная система. То говорили, что крейсер потерял остойчивость и перевернулся. А это означало, что в борту у него была от попадания ракет пробоина, через которую хлынула вода и потянула крейсер на дно.

То говорили, что его ведут на буксире на ремонт в Севастополь, но по дороге он почему-то затонул. Так правду не сказал никто.

В отместку за гибель крейсера «Москва», который прикрывал своим противовоздушным щитом остальные корабли Черноморского военно-морского флота, Россия обрушила на украинские города град ракетных ударов.

23 апреля, в канун православной Пасхи, православная Россия, которая не раз называла украинский народ братским, обстреляла Одессу ракетами. Несколько ракет были сбиты, но одна попала в жилой дом, где погибли люди, и среди них — трехмесячный ребенок. Такому же ракетному обстрелу наш город подвергся в первых числах мая. Одна

из ракет попала в дом поблизости Иверского монастыря. Погиб мальчик...

9 мая, в День Победы над немецким нацизмом, путин, после того, как возложил в Москве цветы городу-герою Одессе, «салютовал» одесситам несколькими ракетными залпами.

Когда-то была модной песня «Ах, Одесса, жемчужина у моря. Ах, Одесса, ты знала много горя...». Да, много горя познал наш город и в годы гражданской войны прошлого столетия, когда кто только не стремился захватить в Одессе власть: белая армия генерала Деникина с грабежами и еврейскими погромами, французский экспедиционный корпус, высадившийся после деникинцев. Об этом ярко рассказано в пьесе «Интервенция» одессита, известного писателя Льва Славина. Потом были австрийцы, немцы и красные конники Котовского. Власть перешла к большевикам на долгие годы с кровавыми сталинскими репрессиями 30-х годов. И Вторая мировая война с фашистской оккупацией нашего города.

И снова в мир и покой нашей страны вторглась война. Но во все времена Одесса славилась не только своим юмором, но и своей жизнестойкостью. Выстоим!

ЗАМИНИРОВАННОЕ МОРЕ

Впервые я увидел пустынные одесские пляжи летом 1941 года. Мне было одиннадцать лет. Рос я на 16-й станции Большого Фонтана, где берег и море стали для меня таким же родным домом, как и дача, на которой мы жили с ранней весны и до поздней осени.

По утрам, наскоро позавтракав, я бежал с соседскими мальчишками на пляж. Несмотря на ранний час, в море уже было полно лодок, вышедших на лов скумбрии, бычков и ставриды. Пляж был тоже полон народу. А под скалой, в тени, рядом с медицинскими весами, сидел старый Соломон в грязном, некогда белом, халате и выкрикивал хриплым, прокуренным голосом: «Девочки, мальчики, чистый медицинский вес! Мальчики, девочки, поимейте за 10 копеек живой медицинский вес! Чистый, живой вес за 10 копеек!».

Поздоровавшись с Соломоном, мы взбирались на скалу, прыгали с нее в море, плавали наперегонки, а потом, лежа на горячем песке, загоревшие до черноты, как маленькие черти, наблюдали за караваном парусно-моторных

шхун-дубков, которые везли из Херсона в Одессу знаменитые херсонские арбузы. И гавань в одесском порту, где швартовались эти шхуны, так и называлась — Арбузной.

И вот — война... Пустые пляжи, пустое море, в котором вместо рыбачьих лодок — мины.

Помимо постоянных налетов немецкой авиации на торговые и военные суда и атак подводных лодок, смертельной угрозой судоходству были мины.

27 июля 1941 года Одессу облетела трагическая весть. Об этом говорили в очередях за хлебом и водой, в трамваях, на рынке. Вышедший из Одессы с эвакуированными женщинами, стариками, детьми, ранеными пассажирский пароход «Ленин», взявший курс на Новороссийск, на траверзе мыса Сарыч подорвался на mine.

От взрыва, получив в борту большую пробоину, пароход быстро пошел ко дну. Из свыше 2 500 пассажиров военным катерам, подоспевшим к месту аварии, удалось спасти всего несколько человек.

А вскоре за «Лениным» на подходе к Новороссийску подорвался на mine пассажирский теплоход «Крым». Команде

удалось завести пластырь на пробоину, и судно осталось на плаву. Подошедшие катера сняли с «Крыма» всех пассажиров. А сам теплоход на буксире ледокола «Торос» повели в глубокий тыл — в Батуми. Позже, перед сдачей врагу Одессы, эвакуированное на теплоходе «Ворошилов» управление Черноморского пароходства, вместе с семьями, прибыло в Батуми и разместилось на «Крыме», откуда всю войну вело управление судами.

По окончании войны «Крым» привели в Одессу, где его долго ремонтировали на судоремонтном заводе № 1.

За годы той войны, кроме парохода «Ленин» и теплохода «Крым», на минах подорвалось немало судов — и гражданских, и военных. Но отголоски заминированного моря трагическим эхом отдавались еще и после войны.

8 марта 1949 года теплоход Черноморского пароходства «Анатолий Серов», следуя из Феодосии в румынский порт Констанца, на траверзе Севастополя подорвался на плавучей mine и затонул за несколько минут («Анатолий Серов» был построен в 1940 году на Николаевском судостроительном заводе и был назван в честь летчика-испытателя

Анатолия Серова, погибшего при испытании нового самолета).

На этом судне погиб мой друг Витя Гаврилюк, с которым я оканчивал мореходную школу. У матери Виктор был единственным сыном. Узнав о его гибели, она сошла с ума.

В Одессе на Втором христианском кладбище есть скромный обелиск в форме спасательного круга, на котором написаны фамилии членов экипажа теплохода «Анатолий Серов», погибших в тот трагический день.

На 16-й станции Большого Фонтана давно нет пляжа моего детства. Как и нет той скалы, возле которой стояли медицинские весы, и старый Соломон кричал охрипшим, прокуренным голосом: «Мальчики, девочки! Проверяйте свой живой медицинский вес за 10 копеек!». В годы фашистской оккупации Одессы Соломон погиб в еврейском гетто.

За годы независимости Украины на старом пляже 16-й станции Большого Фонтана построена великолепная набережная с кафе и ресторанами, в которых и сегодня, несмотря на военное положение, полно народу. Купаться в море нельзя. Мины.

Но все проходит. И это тоже пройдет...

ДЕВУШКА С АВТОМАТОМ

С 1999-го по 2001 год я был председателем Всеукраинской ассоциации бывших узников гетто и нацистских концлагерей. Штабквартира ассоциации находилась в Одессе на Малой Арнаутской, в старой синагоге. В этом сумрачном двухэтажном здании в глубине обширного двора синагога была еще при царском режиме до октябрьского переворота 1917 года, когда власть в России захватили большевики.

Став хозяевами огромной страны, большевики запретили все религии. Разрушались церкви, мечети, синагоги. И эта синагога стояла полуразрушенной, пока зданием не заинтересовалось КГБ. В советские времена, после ремонта, здесь находился секретный объект спецслужб по прослушиванию всех городских телефонных переговоров.

После развала Советского Союза, когда это здание было передано общественным организациям, в моем кабинете еще свисали со стен обрывки проводов подслушивающих устройств. Мой кабинет напоминал иеруса-

лимскую Стену плача. Бывшие узники гетто и нацистских лагерей, становившись членами нашей ассоциации, не могли без слез рассказывать о том, что им пришлось пережить в годы Второй мировой войны, оказавшись в немецко-фашистской оккупации.

По письменным воспоминаниям членов ассоциации у нас накопился огромный архив, на основании которого мы издали несколько книг. Ассоциация получила широкую международную огласку. И к нам стали приезжать граждане Франции, Бельгии, Голландии, пытаясь узнать что-либо о судьбе своих родственников, живших в Одессе до нападения гитлеровской Германии на Советский Союз.

Наша ассоциация тесно сотрудничала с иерусалимским музеем еврейской катастрофы Яд ва-Шем.

Однажды я получил приглашение на международную конференцию по Холокосту, которая проводилась в Иерусалиме. В те годы между Одессой и израильским портом Хайфы ходил пассажирский теплоход «Дмитрий Шостакович». Моя поездка в Израиль и обратно была оплачена приглашавшей стороной. И в один прекрасный день я сошел с теплохода на израильский берег. Из Хайфы

мне предстояло ехать автобусом в Иерусалим, где меня должны были встретить и повезти в гостиницу.

В автобусе я оказался среди пассажиров не только разных национальностей, но и разных религий. Помимо израильтян, шумно усаживающихся на свои места с крикливыми детьми, в автобусе был чернобородый индус в белой чалме, пожилая пара англичан, переговаривающаяся за моей спиной, православный священник с большим крестом на груди и молодой раввин в черной шляпе, из-под которой свисали длинные пейсы. В руке он держал молитвенник. Шевеля губами, он его читал и покачивался, как это делают евреи во время молитвы.

Незадолго до отхода автобуса в салон вошла девушка в военной форме. На плече у нее был автомат. Возле меня было свободное место, и я жестом пригласил девушку сесть. Она подошла, и я сказал: «Садитесь». «Ой! — вскрикнула она, садясь и ставя между ног автомат, — выговорите по-русски? Откуда вы?». «Из Одессы». «Ой! — опять вскрикнула она, — я тоже из Одессы!».

И так же непринужденно продолжила: «Мы жили на Преображенской улице, недалеко

от «Привоза». И я любила ходить с мамой на этот замечательный базар. Я еврейка, но нас тут называют русскими. И в армии я уже второй год».

Автобус выехал из города и ехал по пустынной дороге, которая вела в гору, так как Иерусалим находится на высоте 750 метров над уровнем моря. Вдруг автобус резко затормозил. Я выглянул в окно — дорогу переходили верблюды. Их подгонял пожилой бедуин в длинном белом балахоне, похожем на женское платье. Верблюды прошли, и мы поехали дальше.

Девушку с автоматом звали Рита. Она мне сказала, что едет в Иерусалим проведать больную мать. Для этого ее и отпустили из воинской части. Я спросил, не страшно ли ей служить в армии. Она мотнула головой: «Нет. Пусть будет страшно тем, на кого я направлю свой автомат!».

В Иерусалиме мы расстались, я пожелал ей мирного неба и удачи.

О самой конференции я здесь рассказывать не буду. Скажу только, что она была посвящена тому, что на Западе находятся люди, утверждающие, что не было газовых камер Освенцима, Бухенвальда, Трестлинка

и других лагерей смерти, что это выдумка евреев.

С той поездки прошло много лет. И вот на нас обрушилась война...

Я живу на 6-й станции Большого Фонтана. Недалеко от моего дома проходит длинная аллея, затененная кронами высоких платанов. Посредине аллеи — детская площадка. Каждый день здесь веселые крики бегающих беззаботных детей. Когда раздаются сигналы воздушной тревоги, некоторые мамы хватают детей и уходят. Но многие остаются, как будто тревога их не касается.

Я люблю сидеть на этой аллее, смотреть на детей и наблюдать за прохожими. На днях мимо меня быстро прошла девушка в камуфляже с автоматом на плече. Она спешила. Я посмотрел ей вслед и вспомнил ту, израильскую девушку, с которой познакомился в автобусе, направлявшемся из Хайфы в Иерусалим. Вспомнил свой вопрос: «Не страшно ли вам служить в армии?». И ее ответ: «Нет. Пусть будет страшно тем, на кого я направлю свой автомат!».

Уверен, если бы такой же вопрос я задал прошедшей мимо меня украинской девушке с автоматом, получил бы точно такой же ответ!

ДВА ДНЕВНИКА — ДВЕ СУДЬБЫ

Сначала о первом — дневнике Анны Франк.

25 июня этого года, в разгар войны, развязанной Россией против Украины, слушая по радио новости о жертвах в украинских городах, которые ракетами обстреливаются путинскими войсками, я узнал, что по решению ЮНЕСКО во всех цивилизованных странах отмечается юбилей — 80 лет — с того дня, когда Анна Франк сделала первую запись в своем, ставшем позже всемирно известным, дневнике. Было это 12 июня 1942 года. Сегодня мало кто знает и об этом дневнике, и об этой девочке. Но после окончания Второй мировой войны, когда в 1947 году этот дневник был опубликован и переведен на многие языки мира, — о нем знал каждый читающий человек.

Что же касается меня, то, плавая третьим механиком на танкере «Херсон» и попав однажды в Амстердам, я увидел на одной из улиц этого города, возле старого неказистого дома, группу людей, которые раскладывали у входа цветы и детские игрушки. Я спросил у

одной из женщин, что это за дом, и что здесь происходит. Спросил по-английски. Женщина стала сбивчиво, на непонятном мне языке, что-то объяснять. При этом она заплакала. Слезы понятны на любом языке. И я понял, что дом этот не простой. Что с ним связаны какие-то печальные события. Подойдя ближе, я увидел скромную табличку: «Музей Анны Франк». Я не вошел внутрь, так как в советские времена моряки заграничавания увольнялись на берег группами. Со мной были двое матросов и судовой повар, которые стали торопить меня, так как время нашего увольнения на берег было ограниченным. Но то, что я увидел в этом городе, не выходило у меня из головы. Вернувшись в Одессу, я пошел в публичную библиотеку, в которой был постоянным читателем, и рассказал знакомой библиотекарше о том, что видел в Амстердаме.

— Как?! — воскликнула она. — Вы ничего не знаете о дневнике Анны Франк? Сегодня это самая читаемая книга!

Вскоре я уже сидел в огромном читальном зале одесской «публички» и читал переведенный на русский язык дневник.

Писала его двенадцатилетняя еврейская девочка. Родилась она в Германии, во

Франкфурте-на-Майне, в 1929 году. Отец ее, Отто Франк, был владельцем фирмы по изготовлению пищевых добавок. Фирма имела филиалы во многих европейских городах.

В 1933 году, когда к власти в Германии пришел Адольф Гитлер, и начались преследования евреев, семья Отто Франка переехала в Амстердам. В 1939 году развязанная Гитлером Вторая мировая война пришла и в этот голландский город, откуда нацисты начали вывозить евреев в лагеря смерти.

Голландские друзья Отто Франка, пытаясь спасти его семью, устроили им в одном из домов Амстердама тайник, где семья прожила с 6 июня 1942 года по 4 августа 1944-го. Кто-то их предал. Нацисты, вломившись в убежище, вытащили всю семью на улицу и, усадив в крытый грузовик, где уже были другие скрывавшиеся от нацистов евреи, увезли в концлагерь Берген-Бельзен в северной Германии. В марте 1945 года, за несколько дней до освобождения концлагеря английскими войсками, Анна умерла от истощения.

Находясь в амстердамском убежище, Анна на свое тринадцатилетие получила в подарок альбом для записей. Первую запись сделала 12 июня 1942 года.

Дневник она вела до того самого дня, пока нацисты не увезли ее вместе с семьей в концлагерь. Дневник сохранила голландская женщина, помогавшая семье Франк укрываться от фашистов. Звали ее Мип Гис. Из всей семьи в концлагере выжил только отец. Когда он вернулся в Амстердам, Мип Гис отдала ему дневник его дочери, который он опубликовал в 1947 году.

Слушая по старенькому радиоприемнику передачи «Би-Би-Си» на немецком языке, зная, что происходит в мире, Анна записывала свои комментарии о происходящих событиях с недетской серьезностью. Во всем чувствовался почерк большой писательницы, которая могла бы получиться из девочки в будущем.

Каждая страница дневника дышит болью за многострадальный еврейский народ, дышит верой в благородство человеческой души, верой в жизнь.

Плавая на судах Черноморского пароходства, бывая в разных странах, где я обязательно посещал книжные магазины, я видел этот дневник, переведенный на многие языки мира. По дневнику Анны Франк было снято несколько кинофильмов и поставлены спектакли.

Теперь о втором дневнике. В тех же новостях, с которых я начал эту статью, услышал об украинской девочке Еве Скалецкой.

Двенадцатилетняя Ева Скалецкая жила в Харькове, но с началом развязанной путинным против Украины страшной, беспощадной войны, из-за того, что ее дом уничтожила российская ракета, переселилась с бабушкой в подвал. В этом подвале, под вой сирен постоянных воздушных тревог и грохот взрывов ракет и артиллерийских снарядов, под плач над убитыми, девочка начала вести дневник, в котором ярко отразила весь тот ужас, который обрушился на ее родной город.

Позже ей с бабушкой удалось выбраться из полуразрушенного Харькова, добраться до Румынии, откуда они переехали в Ирландию и поселились в Дублине. Там она закончила свой дневник, который стал документальным свидетельством страшных событий, пережитых и переживаемых харьковчанами. Свои записи Ева Скалецкая назвала «Вы не знаете, что такое война». Право на издание этого документа уже купили две страны — Англия и США.

Дневник Анны Франк не свидетельствовал на Нюрнбергском процессе, где главных

немецко-фашистских преступников судил Международный трибунал за их злодеяния в годы Второй мировой войны. Этот процесс начался 20 ноября 1945 года и закончился 1 ноября 1946 года. Почти все нацистские преступники, сидевшие на скамье подсудимых, были приговорены к смертной казни через повешение.

Повторяю, дневник Анны Франк не свидетельствовал на этом процессе, потому что он увидел свет спустя год — в 1947 году. Но дневник харьковской девочки Евы Скалецкой обязательно станет свидетелем путинских злодеяний на будущем Нюрнбергском процессе...

ПОКАЯНИЕ

Перебирая свои бумаги, нашел старый немецкий журнал «Шпигель» (в переводе — «Зеркало»), который привез когда-то из Германии. На обложке этого журнала — уже поблекшая, но очень выразительная фотография. Канцлер Германии Вилли Брандт в столице Польши Варшаве стоит на коленях перед мемориалом героям восстания Варшавского гетто.

Было это 7 декабря 1970 года. Канцлер, возложив венок и опустившись на колени, сказал всего два слова: «Простите нас». Длилось это всего 30 секунд, но стоявшие вокруг фотокорреспонденты успели заснять эту сцену. И фотография коленопреклоненного канцлера перед мемориалом мученикам Варшавского гетто облетела весь мир.

С началом Второй мировой войны — 1 сентября 1939 года, после оккупации немецкими фашистами Польши, в Варшаве было создано гетто для окончательного решения, по замыслу Гитлера, так называемого «еврейского вопроса». В течение нескольких

лет гитлеровцы вывозили из всех захваченных европейских стран евреев в созданные ими концлагеря, где обреченных на смерть узников уничтожали в газовых камерах.

Находившаяся в Варшавском гетто еврейская молодежь создала подпольную боевую организацию во главе с Мордехаем Анелевичем. С помощью польских друзей в гетто тайно проносилось оружие. 19 апреля 1943 года вспыхнуло героическое восстание.

Длилось оно до 16 мая 1943 года. За этот неполный месяц восставшие уничтожили немецкую охрану. На подавление восстания были брошены значительные силы немецких войск. Восставших начали давить танками, и даже была применена авиация. Но героизм восставших подавить было непросто. Они сумели уничтожить сотни немецких солдат. Разумеется, силы были неравными — никто из восставших не остался в живых.

Это героическое восстание вошло в историю сопротивления еврейского народа немецким палачам.

Фотография коленопреклоненного канцлера Германии Вилли Брандта перед мемориалом героям восстания в Варшавском гетто вернула меня к сегодняшним дням.

Начатая путиным 24 февраля 2022 года жестокая война против Украины вызвала героическое сопротивление украинского народа российским оккупантам. Несмотря на превосходящие силы страны-агрессора, руководство которой было уверено, что в течение нескольких дней захватит нашу столицу — Киев, украинский народ, ставший на защиту своей родины, показывает чудеса героизма. Оккупанты стерли с лица земли города Мариуполь, Северодонецк. От круглосуточных обстрелов ракетами и артиллерией полуразрушены Харьков, Чернигов, Николаев. Уничтожены многие украинские села.

Несмотря на то, что 22 июля в Стамбуле было подписано соглашение о деблокировании украинских портов для вывоза зерна на мировые рынки, уже на следующий день, по методике Гитлера, который с легкостью нарушал подписанные им международные соглашения, оккупант обстрелял ракетами одесский порт.

Путин — не вечен. Придет время — закончится эта война. В Киеве, наверное, будет построен мемориал, посвященный героическому сопротивлению нашего народа

российским варварам. Конечно, к этому мемориалу не придет будущий президент России, чтобы преклонить колени, как это сделал в Варшаве канцлер Германии Вилли Брандт.

Но мне кажется, что в русском народе найдутся здравомыслящие люди, которые, содрогнувшись от всего ужасного, что натворил в Украине путин, тоже скажут: «Простите нас».

«ПОКА В УКРАИНЕ ИДЕТ ВОЙНА...»

Я эти слова взял в кавычки, потому что это строки из письма немецкого мальчика, с которым я подружился, когда жил в Германии.

А в Германию я попал так. Одно время я был председателем Ассоциации бывших узников еврейских гетто и нацистских концлагерей. Тогда же в Одессе открылось немецкое представительство, которое, кроме всего прочего, ведало эмиграционными вопросами. Располагалось оно на Екатерининской улице в доме № 1.

Немцы, узнав о нашей Ассоциации, стали к нам приходить, предлагая всевозможные услуги, вплоть до санаторного лечения. Я тогда начал болеть. Мне нужна была сложная операция. И немцы, узнав об этом, предложили сделать операцию в Германии — совершенно бесплатно. Так я оказался в старинном немецком городе Вормс. Там меня прооперировали, а потом предоставили санаторное лечение.

Моими соседями по дому, в котором я жил, была семья немцев по фамилии Окс, переселившихся из Казахстана, — муж, жена

и шестилетний сын. Они хорошо говорили по-русски. В разговорах с ними я узнал, что их предки были из Одессы. До 1937 года, до начала сталинских кровавых репрессий, в Одессе жило много немцев. Этому свидетельство — пригород Одессы Люстдорф, бывшая немецкая колония, и Лютеранская кирха на улице Новосельского, где сегодня проводятся концерты органной музыки и другие культурные мероприятия.

В те далекие годы мои родители дружили с семьей немецкого врача по фамилии Гросс. Это был добродушный толстяк, куривший трубку, которую он набивал ароматным табаком «Золотое руно».

Начиная с 1937 года всех одесских немцев, обвинив в шпионаже в пользу фашистской Германии, начали выселять в Казахстан, Сибирь и на Колыму. Многих расстреливали. Был расстрелян и доктор Гросс. Его русская жена Нина сошла с ума. Моя мама возила ей передачи на Слободку, в психиатрическую больницу.

Сына моих немецких соседей в Вормсе зовут Теодор. Когда мы познакомились, он уже ходил в школу — как все немецкие дети в этом возрасте.

Однажды мы вместе шли домой. Зная о том, что я одессит, он спросил, можно ли ко мне прийти, чтобы я рассказал ему об Одессе, откуда были высланы в Казахстан его прабабушка и прадедушка. И нужно было видеть, с каким вниманием, сидя как-то вечером в моей комнате, он слушал рассказ об Одессе: о нашем Оперном театре, о Приморском бульваре, с которого открываются вид на порт и величественная панорама моря, об одесских пляжах — «Аркадии», «Ланжероне», «Лузановке». Он слушал так, словно я рассказывал ему волшебные сказки из «Тысячи и одной ночи».

Мы подружились, поддерживая отношения до дня моего отъезда. При расставании в его глазах стояли слезы.

Я оставил Теодору электронный адрес и вскоре стал получать от него письма. Сейчас ему 9 лет.

Хочу процитировать его письмо по случаю войны в Украине. Теодор мне написал:

«Мы православные. Но в Вормсе православной церкви нет. Есть только католические храмы. Мы с мамой поехали в соседний большой город Манхайм, где есть православная церковь.

Там мама молилась перед иконой Николая Чудотворца за победу Украины. Я стоял рядом и повторял слова молитвы. Потом мама зажгла свечу — там, где ставят свечи за здоровье, и сказала, что это за здоровье украинского народа.

И теперь, пока в Украине идет война, мы будем часто приезжать в эту церковь — молиться за вашу победу».

Вот такое письмо я получил от своего маленького друга — немецкого мальчика, которого зовут Теодор Окс.

Содержание

Несколько вступительных слов	4
Четыре через восемь	6
Ночной разговор	11
История одного стихотворения	18
Плот «Медузы»	27
Помнить!	34
Зимнее море	39
Старая Крымская	44
Ночь в ледяном плену	52
Одессит — везде одессит	59
Три встречи	65
Как мне вернули потерянную визу	75
В третий раз...	81
Ресторан «Капитанский мостик»	84
Дети войны	91
Народ бессмертен	96
Одесса. Военная весна	99
Заминированное море	103
Девушка с автоматом	107

Два дневника — две судьбы	112
Покаяние	118
«Пока в Украине идет война...»	122

*З питань придбання книг про історію Одеси,
а також видання книг будь-яких жанрів
і тематики звертатися:*

ВИДАВНИЦТВО «ОПТИМУМ»

Ліцензія ДК № 927 від 23.05.2002 р.

65045, м. Одеса, вул. Спиридонівська, 9/1.

Тел: (048) 794-12-42; (094) 950-42-42

e-mail: optimum1@ukr.net

shov.ua.od@gmail.com

Оптимум

Літературно-художнє видання

Хасін Аркадій Йосипович

Заміноване море

(російською мовою)

Видавець Б. А. Эйдельман.

Редактор В. В. Котющенко.

Верстка О. В. Шумська.

Друк офсетний. Папір офсетний.

Гарнітура PetersburgСТТ.

Формат 70x100/32. Ум. др. арк. 5,53

Тираж 50 прим.